

ФОРМЫ ЕГИПЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: МЕТРИЧЕСКИЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Nous devinons souvent les chocs des mots, les assonances, les jeux d'esprit sur les sens multiples des racines, la marche concordante ou la contrariété des rythmes, mais notre perception de toutes ces finesses ne va jamais bien loin¹.
Gaston Maspero, *Causeries d'Égypte*, p. 131.

А. ТЕОРИЯ

По причинам, которые будут изложены ниже, мы попытаемся сначала заложить в нескольких статьях фундамент, на котором позже сможем возвести монографическое исследование текстов, наиболее сложных с точки зрения метрического построения. Сперва выйдут представленная здесь работа и еще одна в MDIK 19². Такой способ публикации в виде отдельных статей функционально обоснован. Мы избрали этот путь, поскольку хотели предпослать двум первым статьям обобщающее введение в одну и ту же тему. Ведь речь идет о столь многогранном и сложном предмете, что любое введение в него лишь по-своему расставит акценты, но не сможет действительно исчерпать тему. Нам представляется, что в данном случае будет совсем не бесполезно подойти к проблеме сразу с нескольких сторон. При этом, должно быть, возникнут некоторые пересечения, с которыми нам придется смириться; прежде всего, это касается списка правил. Там, где уместно, будут даны ссылки на статью в MDIK 19.

І. История изучения египетской метрики

В специальной литературе давно уже появляются замечания о египетской метрике, ее предположительном облике, возможности или невозможности ее восстановления и, наконец, даже отдельные попытки метрического анализа литературных произведений. Мы намереваемся дать здесь краткий обзор этих прежних опытов и наблюдений.

Само собой разумеется, что успешные — или предвещающие успех — исследования метрически организованных коптских текстов [*metrische Lieder*] породили надежду прийти к пониманию более древней метрики иероглифических текстов на этой основе. Так, А. Эрман, первым затронувший эту тему в своей работе 1897 г. “*Bruchstücke koptischer Volksliteratur*”³, высказывается крайне оптимистически: “Эта метрика, насколько я вижу, не имеет ничего общего с греческой, которую лишь насильственно можно было бы перенести на почву коптского языка; если же она местного происхождения, то мы вправе надеяться на то, что благодаря ей мы когда-нибудь научимся читать и древние египетские стихи, чье консонантное письмо до сих пор насмехалось над всеми нашими стараниями”. Таким образом, Эрман предположил, что основы египетской и коптской метрики принципиально однородны. О коптской метрике он говорил (op. cit., S. 44): “С самого начала надо согласиться с тем, что метрический строй этих стихов основывается на ударении, которое играет в коптском столь большую роль”. Вслед за Эрманом однородность коптской и древней метрики предполагали Г. Юнкер и Т. Севе-Сёдерберг, продолжившие изучение коптской поэзии⁴; они также придерживались того мнения, что как для коптской, так и

---

¹ Мы часто разгадываем сочетания слов, созвучия, остроумную игру, основанную на многозначности корней, согласование или противопоставление ритмов, но наше восприятие всех этих тонкостей заходит не слишком далеко. (*Прим. перев.*)

² Имеется в виду статья: G. Fecht. Die Wiedergewinnung der altägyptischen Verskunst // MDAIK, 19, 1963. S. 54–96. (*Прим. перев.*)

³ AAW Berlin, Phil. Hist. Kl., 1897. S. 1–64; цитируемый фрагмент: S. 3.

⁴ H. Junker. Koptische Poesie des 10. Jh. Berlin, 1908–1911; T. Säve-Söderbergh. Studies in the Coptic Manichaean Psalm-Book. Prosody and Mandaean Parallels. Uppsala, 1949 (Arbeten utgivna med Understöd av Vilhelm Ekmans Universitetsfond, Uppsala, 55).

для египетской метрики количество ударных мест [Hebungen]⁵ было элементом стихообразующим и определяющим метрический облик. В целом это без сомнения верно, но недостаточно последовательное разделение словесного и фразового ударения привело к некоторой путанице. Об этом мы скажем ниже.

Всего через два года после “Bruchstücke koptischer Volksliteratur” Эрмана появился один из самых претенциозных опытов исследования древней метрики, работа В. М. Мюллера “Die Liebespoesie der alten Ägypter”⁶. На с. 10–12 (“Zur Form der Liebeslieder”) автор сформулировал целый ряд правил египетского ударения, к сожалению, недостаточно продуманных и обоснованных, и попытался прочесть произведения любовной лирики в соответствии с этими правилами. Опыт Мюллера, который сам предлагал воспринимать его лишь как подготовительную работу, обрел мало приверженцев. Причина ясна: от этих правил было мало толку, поскольку верные положения в них переплетались с ошибочными.

В 1906 г. — еще до выхода “Koptische Poesie des zehnten Jahrhunderts” — Г. Юнкер в работе “Poesie der Spätzeit”⁷ сделал попытку объяснить метрическое построение строф и стихов в длинных текстах. В отличие от Мюллера, Юнкер выбрал тексты, структура которых крайне облегчала грубый анализ, — культовые гимны [Kultlieder] из храма Хатхор в Дендере с легко различимым строением строф и часто встречающимися фрагментами текста, похожими на рефрены. Собственно же в вопросах метрики Юнкер не пошел дальше Мюллера, на которого, как и на Эрмана, он ссылается (S. 101, Anm. 1). Насколько можно заключить из его эксплицитных суждений и из того, как он членит транслитерированные тексты на стихи, в его метрическом анализе неизбежно остается еще много ошибочного, что отчасти искажает деление гимнов на строфы и части строф⁸. То, что Юнкер не сделал попытки вскрыть объективные основания для метрической оценки грамматических связей, — основания, которые он мог бы обнаружить благодаря удачному строению текстов, — вероятно, было связано с распространенным тогда сомнением в существовании строгих метрических правил. Это скептическое отношение порождалось представлением о коптской метрике, которое сформулировал Эрман, а после него в несколько отличной форме и Юнкер: оба они полагали, что надо констатировать существование прямо-таки пугающего числа “исключений”. Ниже мы вкратце покажем, что лишь часть этих “исключений” сохраняется при пересмотре системы, и что поздняя ситуация ни в коем случае не должна переноситься на более ранние периоды. Здесь же мы ограничимся констатацией того, что, вопреки надежде, высказанной Эрманом в приведенной выше цитате, изучение коптской метрики создало затруднения, препятствовавшие разработке древней метрики, хотя, разумеется, оно одновременно и подстегнуло эту работу, ведь не случайно все, кто добился значительных успехов в области коптской метрики, — Эрман, Юнкер и Т. Севе-Сёдерберг — занимались и египетской метрикой.

В своих дальнейших исследованиях древней метрики (“Hymnen an das Diadem der Pharaonen”, S. 20 ff.⁹) Эрман придерживался описанного скептического воззрения и подвел под него фундамент новыми наблюдениями, которые опирались теперь только на египетский (а не коптский) материал. В указанной работе он ограничился метрической транслитерацией трех простых с грамматической точки зрения вводных стихов из утренних гимнов [Morgenlieder], полагая, что это можно сделать с “приблизительной уверенностью”

---

⁵ Зд. и далее мы переводим термин “Hebung” как “ударное место”. Этот специфический термин, очевидно, введен автором для того, чтобы избежать употребления неоднозначного термина “ударный слог”: тем самым подчеркивается, что речь идет не о словесном ударении, а об ударении в метрически организованном тексте. Для целей данной работы несущественно, где именно стоит ударение в слове, существен лишь сам факт наличия ударения. См. также “Послесловие переводчика” в конце статьи. (Прим. перев.)

⁶ W. M. Müller. Die Liebespoesie der alten Ägypter. Leipzig, 1899.

⁷ H. Junker. Poesie aus der Spätzeit // ZÄS 43, 1906. S. 101–127. (Прим. перев.)

⁸ Здесь нет возможности подробно это объяснять. Потрудившись применить к гимнам изложенные ниже (с. 23 сл.) правила, читатель может сам установить противоречия.

⁹ Adolf Erman. Hymnen an das Diadem der Pharaonen: aus einem Papyrus der Sammlung Golenischeff. Berlin, 1911. (Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften, philos.-hist. Kl., 1911, Abh. 1). (Прим. перев.)

[annäherndes Sicherheit]¹⁰. Существенным в этой работе было наблюдение о том, что имя божества в гимнах могло заменяться более или менее длинным перечнем обозначений или описательных эпитетов, внутри которых Эрман — местами справедливо — насчитал несколько ударных мест. Он указал, что подобное случается часто, и пришел к выводу, что это возможно “только если не существовало строгой системы стихосложения”. Это кажущееся убедительным заключение, было, однако, неверным (см. ниже).

В работе Дж. Фарины по реконструкции метрики в “Рассказе Синухе”¹¹ вновь проявился оптимистичный подход к проблеме, хотя ее решения по-прежнему не было найдено. Все публикации, посвященные метрическому анализу отдельных текстов или групп текстов, — не только “Avventure” Фарины — страдают тем недостатком, что применяемые в них принципы не приложимы к прочим текстам. Нет необходимости доказывать, что именно универсальность является в данном случае решающим критерием.

В главе “Формы поэзии” своей книги “Die Literatur der Ägypter”¹² Эрман более подробно изложил свои взгляды на проблему стихосложения (S. 9–11), сформировавшиеся у него к тому времени. С одной стороны, он опирался на существование разделенных на строфы стихов, которые можно отнести к “какому-нибудь метрическому строю”, с другой стороны, он соединил наблюдения, сделанные в “Hymnen an das Diadem”, с абсолютно правильным, распространенным со времени первого печатного высказывания Эрмана представлением, что в египетских стихах, как и в коптских, число безударных слогов [“Senkungen”] в промежутках между ударными [“Hebungen”] было принципиально произвольным, и несколько туманной концепцией “свободного ритма”. В этих исследованиях метрики очевидна недостаточная четкость используемых понятий [Begriffsbildung]¹³, из-за которой Эрман упустил из виду, что он поставил в один ряд безразличие к числу безударных слогов, которое очень хорошо сочетается с понятием метрики, и мнимое безразличие к числу ударных мест, хотя последнее совместимо лишь со вторичной “метрикой” (с написанием в виде стихотворных строк!), но никогда — с первичной метрикой, которая может строиться только на счете ударных мест. В результате Эрман заключает: “Видно, что мы продвигаемся здесь на ощупь в потемках и, пожалуй, всегда будем так блуждать, ведь остается скрытым ответ на вопрос, от которого все зависит: каким строем обладал египетский стих?” — нельзя не обратить внимание на то, что эта осторожная позиция была более плодотворной или, по крайней мере, менее вредной для дальнейшего изучения, чем ничем не оправданная “уверенность”, которой придерживались остальные при утверждении или отрицании чего-либо в этой области.

Схожим образом в 1931 г. оценил проблему египетской метрики [сэр] Алан Гардинер в своей работе *The Chester Beatty Papyri, No. I*¹⁴, p. 28: “The problem of metre in Egyptian literature is wellnigh insoluble, seeing that we possess but the bare consonantal skeleton of the words, and are instructed concerning the vowels and accentuation only by indirect and uncertain evidence”¹⁵. Он сослался на высказывания Эрмана в “Literatur der Ägypter” и вместе

---

¹⁰ Тем не менее, транслитерация Эрмана не лишена ошибок (спрягаемые глагольные формы перед именным субъектом ошибочно рассматриваются как отдельные колонны и составляют, таким образом, вместе с субъектом два колона).

¹¹ *Le avventure di Sinûhe: Racconto di trentanove secoli fa / Tradotto dall'antico egiziano da Giulio Farina.* Milano, 1921 (Supplementi ad Aegyptus. Serie di divulgazione. Sezione orientale, no. 1). (Прим. перев.)

¹² Adolf Erman. *Die Literatur der Aegypter: Gedichte, Erzählungen und Lehrbücher aus dem 3. und 2. Jahrtausend v. Chr.* Leipzig, 1923. (Прим. перев.)

¹³ Особенно неточными и противоречивыми были терминология и лежащие в ее основе понятия в упомянутой выше работе В. М. Мюллера; например, он говорит о “напевном фразовом ударении” [singenden Satzaccent] египетского языка, но при этом, судя по контексту и другим формулировкам, он имеет в виду экспираторное ударение, то есть тип ударения, для которого совершенно не характерен музыкальный элемент. Пагубно сказывается и употребление таких туманных понятий, как “поэтическая свобода”.

¹⁴ Alan H. Gardiner. *The library of A. Chester Beatty: description of a hieratic papyrus with a mythological story, love-songs, and other miscellaneous texts.* The Chester Beatty Papyri, no. 1. London, 1931. (Прим. перев.)

¹⁵ “Проблема стихотворного размера в египетской литературе почти неразрешима ввиду того, что мы располагаем лишь голыми консонантными скелетами слов и имеем лишь косвенные и неточные данные о гласных звуках и ударении”. (Прим. перев.)

с Эрманом предположил существование в египетском стихов и строф, которые должны были иметь строй, схожий с коптским.

Против этого весьма отважно выступил Вл. Викентьев в статье “The metrical scheme of the ‘Shipwrecked Sailor’” (BIFAO, 35, 1935. P. 1–40). Его заключения, кажущиеся соблазнительными, к сожалению, лишены прочной опоры в сфере метрики, в том виде, в котором ее трактует автор¹⁶. Попытка подойти с теми же методами к другим текстам не была предпринята.

Г. Грапов крайне пессимистично высказался на с. 15 монографии “Sprachliche und schriftliche Formung ägyptischer Texte”¹⁷: “Так же бесполезны попытки выделить в так называемых стихах ударные места в письме, лишенном гласных, при наших недостаточных знаниях принципов вокализации, особенно древнейшей, пока мы не установим то, что мы могли бы более точно определить, а именно стилистический строй текстов, языковые средства, которыми египтяне украшали свою литературу и придавали ей форму”. Видно, что автор занимает вполне отчетливую позицию, которая понятна, если принять во внимание сделанные к тому времени попытки восстановления метрики. На смену сожалению Эрмана и Гардинера о нашем неведении пришел теперь — несколько преждевременно — отказ от дальнейших попыток обнаружить “так называемые стихи”¹⁸. Бессмысленно подвергать сомнению тот факт, что исследовать познаваемое правильнее, чем пускаться в построение недоказуемых теорий. Но, с другой стороны, очевидно, что исследование форм египетской литературы, подстегнутое новаторской работой Грапова, могло бы существенно продвинуться благодаря восстановлению древней метрики и, соответственно, того строя текстов, который бытовал у египтян.

Мнение О. Фирхова, выраженное в “Grundzüge der Stilistik in den altägyptischen Pyramidentexten”¹⁹, S. 10 f., в значительной степени совпадает с позицией Грапова²⁰.

Более обстоятельной, но построенной на слишком слабом основании и, к сожалению, не слишком плодотворной попыткой стала работа Г. П. Харда “World’s oldest love poem”²¹.

---

¹⁶ Викентьев указывает на замечание, сделанное Дево о метрическом строе “Потерпевшего кораблекрушение” в “Le conte du Naufragé, remarques grammaticales, lexicographiques, paléographiques, etc.” (RT 38, 1916. P. 188–210); однако этих кратких заметок недостаточно для понимания точки зрения Дево, и тем более для того, чтобы на нее опираться.

¹⁷ H. Grapow. Sprachliche und schriftliche Formung ägyptischer Texte. Glückstadt — Hamburg — New York, 1936 (Leipziger ägyptologische Studien, Hft. 7). (Прим. перев.)

¹⁸ В работе “Der stilistische Bau der Geschichte des Sinuhe” (1952) Грапов говорит на с. 6 (“Vorbemerkung”) о “небольших группах стихов [Versgruppen], которые разными способами объединяются в крупные литературные образования”; с этой формулировкой мы можем полностью согласиться, но с оговоркой, что для нас “группы стихов” не совсем то же, что для Грапова. Существование “литературных единиц, основанных на внутренней необходимости” (которые у Грапова также строятся на чисто формальных основаниях) вполне согласуется с нашими результатами, но совершенно неверно, что “таковых не так много”.

¹⁹ Otto Firchow. Grundzüge der Stilistik in den altägyptischen Pyramidentexten. Berlin, 1953 (Untersuchungen zur ägyptischen Stilistik, II = Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Institut für Orientforschung. Veröffentlichung, Nr. 21). (Прим. перев.)

²⁰ Фирхов явно ставит под сомнение (в отличие, например, от Гардинера) трактовку “так называемых стихотворных точек [Verspunkte]” папируса Chester Beatty I как разделителей стихов; по его мнению, они скорее обладали “вспомогательной функцией при декламации и указывали на паузы в чтении”. В этой формулировке ощутимо отторжение, основанное на очень твердом убеждении; попытка доказательства при этом отсутствует. Фирхов категорически заявляет: “...в какой художественной связи находятся таким образом (т.е. посредством стихотворных точек) отделенные друг от друга мысли, установить с ходу невозможно. Вероятно, обстоятельные исследования позволили бы выявить скрытые правила”. Однако возникает вопрос, почему же в таком случае в том же абзаце утверждается, что “отсутствие формального членения в этих песнях о любви” говорит о “весьма отличном от западного понимания взгляде египтян на поэтическое творчество”, и этот столь загадочный взгляд “в литературных текстах находит выражение в распространенном со времен XVIII династии употреблении так называемых стихотворных точек”.

²¹ H. Page Hurd. World’s Oldest Love Poem. Hieroglyphic Text Edited with Introduction, Prose and Metrical Versions, Commentary and an Excursus on the Literary Aspects of the Piece. Newark, N. J.: H. P. Hurd, 1954. (Прим. перев.)

В недавнее время Т. Севе-Сёдерберг сдержанно, но не давая повода для сомнений в своей принципиальной убежденности, высказался о метрической форме небольших текстов (MDIK, 16, 1958²². S. 284 ff.)²³.

Приведенный краткий обзор вполне достаточен для наших задач, мы надеемся, что не упустили ничего значительного. Оставлены без внимания многочисленные случаи, когда переводы текстов печатались разделенными на стихи, но при этом их автор не уделял внимания научному аспекту метрики. Хотя такие публикации важны как свидетельство того, что метрическое строение часто принимается в расчет, они не могут служить поводом для критического рассмотрения, так как их составители руководствуются либо стихотворными точками, либо своими ощущениями, либо — нередко — и тем и другим. Такие ни к чему не обязывающие типы членения текста встречаются на всех языках, которыми пользуются египтологи; особенно удачные примеры, обнаруживающие художественное чутье и чувство формы, которым авторы обязаны знакомству с литературами различных времен и языков, встречаются довольно часто — хотя и не исключительно — у французских ученых.

II. Помехи, препятствующие открытию метрики

О двух аргументах, выдвигаемых против возможности восстановления принципов стихосложения или вообще против существования строгой метрической системы, мы скажем здесь лишь вкратце, поскольку об этом достаточно было сказано в MDIK 19. Мы имеем в виду отсутствие гласных в египетском письме и тот факт, что в некоторых культовых песнопениях (и т.п.) краткое именование бога или царя могло заменяться по содержательным причинам более или менее длинным рядом обозначений и эпитетов, которые не всегда, но часто имели большее число ударных мест, чем содержалось в первоначальном кратком тексте.

На первый аргумент возразить легко. С одной стороны, запись гласных помогла бы нам лишь очень незначительно, и, скорее всего, была бы совершенно бесполезна. Достаточно вспомнить до сих пор не разрешенную проблему древнееврейских и клинописных стихов. С другой стороны, мы можем обойтись без точных сведений о вокализации, так как египетское стихосложение было основано на счете ударных мест в соответствии с фразовым ударением; например, если мы знаем, что разные виды прямогенитивных словосочетаний в любом случае образуют одно ударное место, нам совершенно безразлично, какие гласные содержались в ударном слове. Конечно, коптская вокализация нам в некоторой степени полезна, поскольку она содержит отдельные указания на фразовое ударение, но для более раннего времени (Новое царство и раньше) на такие подсказки следует рассчитывать лишь в незначительной степени, так как по данным египетских слов, сохранившихся в клинописной передаче времен XVIII–XIX династий, фразовое ударение оказывало в литературном языке меньшее, чем в более позднее время, воздействие на словесное ударение.

На второй аргумент, на который первым обратил внимание Эрман (см. выше), легко находится столь же общее возражение: принципы египетской метрики были, насколько их можно себе представить, достаточно просты; египетская метрика была несложным средством, с помощью которого могли создаваться произведения изящной словесности, вплоть до изысканнейших шедевров. Ее можно сравнить с нашими современными поэтическими средствами: ритмом и концевой рифмой — при их употреблении еще не обязательно рождается поэзия: приобретя определенный навык, можно научиться говорить ритмически организованными предложениями и даже сплести рифмы. Мы не боимся такого сравнения: египетское стихосложение вполне позволяло без особого труда вводить в “стихи” дополнения. Приведем яркий и, как можно надеяться, убедительный пример: немецкие баллады и другие провоцирующие своим пафосом на безобидное высмеивание стихи могут

---

²² T. Säve-Söderbergh. Eine Gastmahlsszene im Grabe des Schatzhausvorstehers Djehuti // MDAIK, 16, 1958. S. 280–291. (Прим. перев.)

²³ Ср. теперь мою статью в MDIK 19, четвертый текст из MDIK 16 (второй, короткий текст, состоящий из пяти стихов). Предположение Севе-Сёдерберга о метрическом устройстве первых четырех стихов не вполне верно: в них содержится не три, а два ударных места.

быть переиначены путем вставок или карикатурного монтажа небольших фрагментов исходного текста. Такого рода стихотворные переложения, распространенные, например, среди школьников, знакомы каждому. Вставки в рассматривавшихся Эрманом утренних гимнах и других культовых песнопениях, если они кратки²⁴ и по содержанию относятся к одному краткому стиху, могут этот краткий стих расширить (увеличить) на одно ударное место (или, при необходимости, на два ударных места), или могут быть включены в качестве дополнительного стиха (при необходимости, в качестве нескольких стихов). Эстетическая ценность, степень удачного соотношения между формой и содержанием произведения зависит от степени мастерства, с которым производятся вставки: она может остаться неизменной и даже возрасти, но может и существенно пострадать. Это говорит и о том, употреблены ли вставки в соответствии с формальными принципами египетской литературной композиции, т.е. выдержана ли гармоничная, согласующаяся с содержанием произведения взаимосвязь между частями композиции от ее наименьших единиц (стихов) до более крупных, и нередко (но не обязательно) — о том, учитывалась ли относительно регулярная, стройная последовательность определенного числа ударных мест в отдельном стихе.

Эрман мог охватить лишь крайне малую часть отмеченной им проблемы, которая вовсе не является подлинным препятствием для восстановления метрики. Он еще не знал, что не только культовые песнопения, гимны и т. д., но и все прочие произведения египетской литературы, до той поры считавшиеся прозой (или “художественной прозой” — термин, перенятый у исследователей поздней античности), с таким же успехом могут быть с помощью метрики разделены на стихи, строфы и т. д. В тех случаях, когда до нас дошло несколько рукописей с одним и тем же произведением, в них, как известно, обнаруживаются достаточно значимые расхождения: изменения, добавления, пропуски. Наши исследования теперь показали, что — за исключением очевидных и достаточно поздних ошибок и неточностей — существенным расхождениям соответствуют разные варианты понимания общего смысла рассматриваемого произведения²⁵. Как согласовывать такие варианты текста и членения — это отдельный вопрос, который мы не будем здесь обсуждать. Нам важно лишь, что вариации текста в разных сферах египетской литературы были вполне обычны, и наблюдения Эрмана — это выявление легко постижимого частного случая, включенного в более широкий контекст. Проблемы, конечно, остаются, но они не имеют отношения к принципиальному вопросу о том, существовали ли твердые правила египетской метрики. Поэтому также нет смысла рассматривать вопрос, который поставил и на который утвердительно ответил Юнкер (ZÄS, 43, 1906. S. 101 ff.²⁶): не заменялись ли при исполнении снабженных дополнениями песнопений такие дополнения кратким упоминанием титула и имени.

Несколько более детально нам хотелось бы рассмотреть третье препятствие на пути установления принципов метрики — смешение словесного ударения с фразовым. В MDIK 19 я объяснил, что акцентная (а не квантитативная) в силу необходимости египетская метрика прежде всего должна была учитывать фразовое ударение, то есть членение речевого потока на речевые группы или колоны. К этому мы скоро вернемся; здесь же прежде всего речь пойдет о сущности фразового ударения и различии между словесным и фразовым ударением. Как известно, существуют слоговое ударение, словесное ударение и фразовое ударение [Silbenakzent, Wortakzent und Satzakzent] (“вершина слога”, “вершина слова” и “вершина предложения” или, лучше, “вершина колоны” [Kolongipfel]). В немецком слове “Zimmer”²⁷

---

²⁴ Эрман не раз сильно переоценивал число ударных мест.

²⁵ Пример тому я привел в исследовании, посвященном расхождениям в текстах различных сохранившихся позднеамарнских пограничных стел (ZÄS, 85, 1960. S. 97 f. [G. Fecht. Amarna-Probleme // ZÄS, 85, 1960. S. 83–118 — Прим. перев.]). Здесь же следует сказать, что обычай собирать из отличающихся друг от друга списков “стандартный текст” оказывается ввиду этого дурной привычкой: такой “стандартный текст” менее удовлетворителен, чем любой из различных исходных текстов, так как он разрушает оригинальную композицию. Разумеется, против исправления вполне очевидных ошибок, которые не создают оснований для перетолкования и перестройки текста, возражений нет.

²⁶ Н. Junker. Poesie aus der Spätzeit // ZÄS 43, 1906. S. 101–127. (Прим. перев.)

²⁷ “Комната”. (Прим. перев.)

ударение стоит на первом слоге (*zim*); он является носителем словесного ударения. Внутри этого слога *zim* самым сильным звуком является гласный *i*, он является носителем слогового ударения; то же относится и к гласному *e* в “безударном” слоге *mer*. Во фразе “das Zimmer ist groß”²⁸ в обычных условиях сильное ударение стоит на слове “groß”, на него приходится фразовое ударение; а в предложении “ich bin im Zimmer”²⁹ — напротив, на слово “Zimmer”. Более сильный с точки зрения ударения элемент [Akzentinheit] в каждом случае может, однако не обязательно должен, влиять на более слабые элементы, если ударение, как, например, в немецком и почти во всех европейских языках, а также в египетском, является экспираторным. Словесное ударение способствует редукции безударных слогов. Указанное слово “Zimmer” в древневерхненемецком звучало как *zimbar*; звук, находившийся в вершине безударного последнего слога, претерпел редукцию ($a > e$) из-за перевеса сильного экспираторного ударения, приходившегося на первый слог. Такая редукция безударных гласных может стать обязательной, т.е. охватить все безударные слоги: именно это произошло в позднейшем египетском, однако в коптском можно уже явственно различить обратную тенденцию (ср. Fecht, Wortakzent und Silbenstruktur³⁰. §§ 433–437). Гораздо реже наблюдается ситуация, когда фразовое ударение влияет на слова, на которые оно не падает: во-первых, потому что на уровне предложения, где могут встречаться многочисленные второстепенные ударения, экспираторное ударение оказывает много меньшее влияние; во-вторых, потому что фразовое ударение — не постоянная величина, ведь большинство слов в зависимости от своего употребления в разных предложениях могут в одних случаях нести фразовое ударение, а в других — нет (например, “das-Zimmer-ist-groß” и “ich-bin-im-Zimmer”). Следует также учитывать, что фонетическая дифференциация слов в зависимости от силы ударения, приходившегося на них в предложении, должна была бы привести к значительному усложнению лексического состава языка и, следовательно, повредила бы функции языка как средства общения. Таким образом, в языках с ярко выраженным экспираторным ударением сталкиваются две силы: естественная, так сказать автоматическая склонность фразового ударения влиять на словесное ударение и противодействующая тенденция, не позволяющая разрушать целостность слова. Результаты этого столкновения различны в разных языках и в разные периоды развития одного языка. В нововверхненемецком литературном языке фразовое ударение, если опустить более тонкие фонетические нюансы, оказывает влияние на словесное ударение в сочетаниях предлогов с определенным артиклем, т.е. на сочетания, которые почти всегда употребляются как проклитические: “im-Zimmer” (= “in-dem-Zimmer”), “zum-Haus” (= “zu-dem-Haus”), “am-Haus” (= “an-dem-”), “ins-Haus” (= “in-das-”), “ans-Haus” (= “an-das-”), и т.д. В разговорной речи и диалектах редукция выходит далеко за пределы допустимого в литературном языке. Например, говорят: “aufm-Haus” (= “auf-dem-”), “inm-Haus” (= “in-einem-”), “zu’m-Haus” (= “zu-einem-”); фраза вроде “ich-bin-im-Zimmer” запросто может звучать как “chbɪm-Zimmer”, а вместо “wo-hast-du-denn-das-Buch?”³¹ в Гейдельберге скажут: “wo-haschɪns-Buch?”.

Важно, что предложение может достигать апогея [gipfeln] не только в месте одного-единственного фразового ударения. В немецком это характерно лишь для очень коротких предложений. Следующая за слогом фонетическая единица — это не слово, которое не вычленивается в речевом потоке как четкая единица, и не предложение, которое представляет собой синтаксическую величину, а речевая группа [Sprechgruppe], “колон” — такая последовательность артикуляций, в течение которой не прекращается порождение звука или такового прекращения не ожидается (смычные согласные не дают при этом подлинных пауз). Каждый колон, вне зависимости от присутствующих в нем второстепенных

²⁸ “Комната велика” (Прим. перев.)

²⁹ “Я в комнате” (Прим. перев.)

³⁰ G. Fecht. Wortakzent und Silbenstruktur. Untersuchungen zur Geschichte der ägyptischen Sprache. Glückstadt — Hamburg — New York, 1960 (Ägyptologische Forschungen, Hft. 21). (Прим. перев.)

³¹ “Где же у тебя эта книга?” (Прим. перев.)

ударений, подчиняется вершине колона, т.е. фразовому ударению, представленному ударным слогом слова, на которое падает самое сильное ударение в колона. В рамках нашего примера: “Ich-bin-im-Zimmer und-warte-dort”³² (два колона).

Сказанное о колонах в принципе относится ко всем языкам, а сказанное о редуцирующем воздействии фразового ударения на вершине колона, напротив, лишь к языкам с преобладающим экспираторным ударением. В частности же языки в этом сильно разнятся. Так, например, в немецком возможно образование очень коротких и очень длинных колонов, поскольку границы колонов непостоянны и зависят от толкования (фразовое ударение в качестве синтаксического средства) и настроения говорящего. Вместо “ich-warte-dort”³³ (один колон) мы могли бы сказать “ich-warte dort”³⁴ (два колона): в последнем случае либо содержательно подчеркивается как “warte”, так и “dort”, либо часть предложения произносится торжественным тоном. Было бы неправильно бездумно переносить это на другие языки. В египетском, например, сочетание инфинитива с прямым дополнением (как и всякое прямогенитивное словосочетание) всегда и без исключений образовывало один колон. По-коптски, например: **зѣтъ-прѡмѣ** “убивать-человека”. В немецком мы можем кроме “den-Mann-töten” или “töten-des-Mannes” (в обоих случаях один колон) сказать также “den-Mann töten” (“töten des-Mannes”) (в обоих случаях два колона). Особенности, которые присущи колонам в разных языках, — речь идет не только о длине и краткости — мы, конечно, не можем далее описывать детально: читателя следует отослать к соответствующим большим научным грамматикам, и прежде всего — к описаниям живых языков, в которых тонкости ударения лучше изучены, чем в языках, которые уже не сохраняются непрерывным потоком традиции в пределах определенной группы людей.

Здесь нас интересует вопрос о фразовом ударении в египетском и коптском языках. Рассматривая его, мы остановимся на нескольких малоизученных пунктах, имеющих принципиальное значение, так как, разумеется, невозможно восстановить во всех деталях все аспекты фразового ударения для различных периодов истории языка. Значительно больше, хотя, конечно, далеко не всё, мы сможем вывести в конечном итоге из правил метрики; пока же речь идет о предпосылках к открытию этой метрики.

Судя по исключительно сильному влиянию ударения в колона на словесное ударение в так называемых нами “слитных словосочетаниях древнего способа образования” [Komposita älterer Bildungsweise], возникших в совершенно определенных условиях, можно констатировать, что в очень раннее время (Старое царство и раньше) сочетания, в которых имя (местоимение, предлог, частица) определялось другим именем (и т.д.) образовывали один-единственный колон. В терминах нашей грамматики речь идет об атрибутивных, генитивных, предложных и других детерминирующих словосочетаниях, а также о соположении двух равнозначных параллельных существительных (по типу древнеиндийских dvandva-композитивов³⁵), определяемых одним прилагательным; но не об аппозициях или, тем более, о глагольных и именных предложениях³⁶. На этом основании можно заключить, что в древнюю эпоху названные словосочетания, составлявшие одно целое, образовывали колон, а аппозиции и предложения, состоявшие из нескольких неэнклитических слов, — не образовывали. Помимо этого, ничего нельзя сказать

---

³² “Я в комнате и жду там” (Прим. перев.)

³³ “Я-жду-там” (Прим. перев.)

³⁴ “Я-жду там” (Прим. перев.)

³⁵ См. прим. 85 (Прим. перев.)

³⁶ См. Fecht, Wortakzent und Silbenstruktur, повсюду; в § 9 даны краткие общие указания, кроме того, дабы убедиться в сказанном, можно найти примеры соответствующих словосочетаний на S. IX–XI оглавления. Пример объединения в одно слово [Univerbierung] двух параллельных существительных — *jnsw-bjt* (§ 71–77, 281, 390, 405 Anm. 554) “принадлежащий *sw(t)* и *bjt*”. Речь идет об одном титуле и потому об особом случае, так как титулы, как и имена, в определенной степени склонны к превращению в одно слово [Univerbierung] (ср. Wortakzent, § 145).

По поводу фразового ударения ср. краткие замечания к вопросу о словесном ударении в дополнении к § 177; прим. 399 к § 259 и § 401.

о дальнейшем развитии слитных словосочетаний [Komposita] из мелких колонов во времена, последовавшие за древнейшим этапом. Остается еще много неразрешенных проблем: прежде всего, трактовка тех частей предложения, которые не могут быть составной частью тесных словосочетаний, способных превращаться в неразрывные (например, характер фразового ударения для предлогов с суффиксами, наречий и пр.). Древнейшее состояние, доступное нам лишь в незначительной степени, могло, конечно, меняться в ходе развития языка — не говоря уж о том, что древнее начальное ударение [Vornbetonung] сменилось ударением на последнем слоге (= отношение *status constructus*³⁷). Развитие, несомненно, шло в направлении дальнейшей унификации более крупных колонов: в клинописных передачах времен XVIII–XIX династий мы можем наблюдать, что редуцирующее влияние словесного ударения на безударные слоги и фразового ударения на незатронутые им слова было менее сильным, чем в более позднее время³⁸. В новоассирийский период и позже, судя по клинописным передачам, редуцирующее воздействие словесного и фразового ударения, как известно, значительно усилилось³⁹.

Поскольку в клинописной передаче сохранились только разнообразные личные имена и титулы, т.е. те слова и словосочетания, которые особенно мало подвержены фонетическим изменениям⁴⁰, клинописные передачи времен XVIII и XIX династий — это свидетельства еще возможного тогда полного звучания, которые особенно ценны, поскольку примеры, относящиеся к новоассирийскому периоду и более поздним эпохам, необходимо обосновывать по возможности другим докоптским материалом. О степени редукции [Enttonung] на наиболее поздней докоптской стадии языка свидетельствует опубликованный У. Э. Крамом в JEA, 28, 1942⁴¹ магический текст II в. н. э., записанный греческими буквами.⁴² Показательные примеры: существительное + прилагательное-определение: **пнѣтѡ** (*p3-ntr-ʕ3*), **рм нѣм** (*rmt-nb*), **тѣнтро** (*t3-ntrt-ʕ3t*); управляющее прилагательное + существительное (и аппозиция в двойных именах богов): **оуѣр ѣнтѣмнт** (*wsjrt hntj-jmntw*);

³⁷ “Аналитически соположенные словосочетания” в терминологии Н. С. Петровского, см.: Н. С. Петровский. Сочетания слов в египетском языке. М., 1970. С. 38–50. (Прим. перев.)

³⁸ О меньшей редукции предударных слогов в этих передачах см., напр., J. Sturm // WZKM, 41, 1934. S. 43 ff., 161 ff. [J. Sturm. Zur Vokalverflüchtigung in der ägyptischen Sprache des Neuen Reiches // WZKM, 41, 1934. S. 43–68, 161–179]; Edel // MIO, 2, 1954. S. 37–39 [E. Edel. Zur Vokalisation des Neuägyptischen // MIO, 2, 1954. S. 30–43]. К еще слабо различимому влиянию фразового ударения на словесное ср. — с оговоркой, что имена занимают особое положение — такие имена-предложения, как: *Riamašēša* (**riʕa-masēša*) “Ра — тот, кто его породил” (в греч. время: *Ραμσσης*), *Ḥaramašši* (**ḥara-māsi*) “Хор рожден”, *Riamašši* (**riʕa-māsi*) “Ра рожден”, наряду с *Amanappa* (**aman-[n]-āpa*), *Amanmaša* (**aman-māsa*), *Amanḥatpa* (**aman-ḥātpa*), где конечный *-a* в *amāna* (= *amāna*) “Амон” выпал, что свидетельствует о редукции в трехсложном слове. Еще более сильную редукцию можно отметить в первом члене сопряженной цепочки *Ḥikuṭpaḥ* (**ḥe-ko-pāḥ*), где **ḥā(w)ṭ* “Дом” уже превратилось в **ḥe-*. Искажение управляющего прилагательного при существительном (вновь в личных именах!): *Wašmuriā*, *Naphururia*, где **wās(w)r* “мощный” и **nāf(w)r* “хороший, совершенный” сократилось до **was-*, **naf-*. Хороший пример, показывающий, что фразовое ударение еще не стало причиной редукции: *kuiihku* (*koj-jēḥko*) “Ка на ка” (ср. Fecht, Wortakzent, §§ 176–178, 293 (конец), 302 Anm. 433; в коптском: **коиаꜥк**, **киаꜥк**, и т.д.).

³⁹ Этот факт хорошо известен. Помимо собранного Ранке в “Keilschriftliches Material” [H. Ranke. Keilschriftliches Material zur altägyptischen Vokalisation. Berlin, 1910 (Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften, philos.-hist. Kl., 1910, Anhang, Abh. 2)] языкового материала, ср. также примеры особенно сильной редукции: *Išhupri* (**ešḥūpri*) для *Wsr-ḥprw* (A. Alt // OLZ, 1925. Sp. 573 [A. Alt. Išhupri // OLZ, 28, 1925. Sp. 573–578]), *Iptimurtešu* (**eftemurteš*) для *Nfrtmw-jr-dj-sw* (Fecht // MDAIK, 16, 1958. S. 113 f.).

⁴⁰ Ср. Fecht, Wortakzent, §§ 65, 72 (2), 276 Anm. 416.

⁴¹ W. E. Crum. An Egyptian text in Greek characters // JEA, 28, 1942. P. 20–31. См. также новое издание: J. Osing. Der spätägyptische Papyrus BM 10808. Wiesbaden, 1976 (ÄA, 33). (Прим. перев.)

⁴² Ср. обработку текста А. Вольтоном в *Studia Orientalia* J. Pedersen, p. 364 ff. [A. Volten. An Egyptian Text in Greek Characters. Some Notes // *Studia Orientalia* Ioanni Pedersen septuagenario A.D. VII Id. Nov. anno MCMLIII a collegis discipulis amicis dicata. Nauniae, 1953. P. 364–376.]. Далее мои замечания в *Wortakzent*, § 122 Anm. 205, 228 f., 233, 240 f., 400 Anm. 546, 433 (там собраны некоторые сильно редуцированные формы, которые здесь также будут приведены).

существительное перед относительным предложением с тем же подлежащим: **вт етоϥ** (*bt3-ntj-ϥh3*).⁴³ Без сомнения в докоптском египетском вплоть до его последней стадии редуцирующее воздействие словесного и фразового ударения на безударные элементы речи становилось все сильнее; на уровне слова воздействие ударения на безударные слоги было обязательным, на уровне предложения влияние ударения на относительно безударные слова ограничивалось определенными синтаксическими конструкциями и даже в них проявлялось не всегда одинаковым образом⁴⁴.

Было бы неверно полагать, что, рассмотрев немногие колонны, обратившие на себя внимание благодаря редукции безударных слов, мы охватили все типы колонов, которые когда-либо определяли египетское фразовое ударение. Скорее, как уже было отмечено выше, заметно воздействовать на словесное ударение во всех языках способно лишь ограниченное число узких, часто встречающихся типов фразового ударения, но ни в коем случае не все возможные колонны, развертывающиеся на протяжении длинного непрерывного речевого акта. Полезно ясно представить себе эти общие закономерности на примере живых языков с экспираторным ударением. Так, когда мы говорим по-немецки: “ich-bin-im-Zimmer”, все предложение составляет один-единственный колон, хотя только “im” (вместо возможного “in-dem”) редуцировано в нем фразовым ударением. Приведем еще один пример из диалектной речи: в гейдельбергской округе можно, например, вместо “was-haben-Sie-denn-da-gemacht?”⁴⁵ услышать “was-hawwe(n)sn-da-gemacht?”. Слова “Sie-denn” здесь сильно “стянуты”, но колон не ограничивается этой сильно редуцированной частью предложения. Возможное редуцирующее воздействие фразового ударения на словесное ударение не может указывать на размер колона. Таким образом, мы можем узнать о египетском фразовом ударении лишь очень немного: нам известно, что определенные словосочетания представляли собой неделимые единства, но мы не знаем, насколько большими могли быть колонны.

В коптском все становится значительно сложнее. Редуцированные варианты слов (формы *status constructus*) более редки. Не считая проклитических местоимений, предлогов и ставших грамматическими показателями “префиксов” (наряду с которыми еще изредка встречаются соответствующие формы *status absolutus*⁴⁶), *status constructus* остается синтаксически значимой и, за редкими исключениями, обязательной формой слова лишь для инфинитивов с прямым дополнением и в формах т.н. суффиксального спряжения. Во всех остальных случаях употребление *status constructus* факультативно⁴⁷ или носит архаический характер: либо налицо чистый архаизм⁴⁸, либо архаичные формы сохраняются на чисто

⁴³ Подобное редуцирующее воздействие относительного придаточного косвенным образом подтверждается и для более раннего времени: Fecht, *Wortakzent*, § 400 Anm. 546.

⁴⁴ Следует обратить внимание на то, что наряду с **рм ним** с редуцированным *nomen regens* (управляющим именем — *Прим. перев.*) существуют **пн ним** (*pʕjt-nb*), **лϥн ним** (*lhjt-nb*), **замет ним** (*hnmmt-nb*), **змр ним** (*hmwt-r3-nb*) с нередуцированным *nomen regens*. Конечно, эти выражения образовывали, как и **рм ним**, только один колон. То обстоятельство, что **рмне** редуцировалось в **рм**, связано, помимо всего прочего, с той частотой, с которой, можно полагать, встречалось выражение “каждый человек”. Сосуществование редуцированных и нередуцированных форм можно сравнить с сосуществованием в немецком “*zu*” и “*zu-dem*” (и т.д.).

⁴⁵ “Что же вы здесь делали?” (*Прим. перев.*)

⁴⁶ Несвязанные, свободные формы слов (*Прим. перев.*)

⁴⁷ Так, **анг-** наряду с **анок-** и т.д. в именном предложении: W. C. Till. *Koptische Grammatik (Säidischer Dialekt) mit Bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnissen*. 2., verb. Aufl. Leipzig, 1961. § 243.

⁴⁸ Например, в пережитках формы *sdm.f* в *status constructus* перед именным дополнением: **тсеϥ-**, **тмнеϥ-** (Till, *Kopt. Gramm.* § 276, ВЗ со ссылками), а также при редукции инфинитива перед наречным усилением: **А₂ оуанг-авал** вместо **оуонг авал** (Fecht // *Orientalia N.S.* 31, 1962. S. 87 f. [G. Fecht. Der erste “Teil” des sogenannten Evangelium Veritatis (S. 16, 31–22, 20) II: Kapitel⁴ 1, Str. IV-Kapitel⁴ 2, Str. VII // *Orientalia Nova Series*, 31, 1962. S. 85–119]; там также ссылка на *S азерат* и т.д.); к этому можно прибавить новый совершенно аналогичный пример **S зте-евох** наравне с простым **зате** без **евох** (два примера этой формы с наречным усилением: A. Böhlig / P. Labib. *Die koptisch-agnostische Schrift ohne Titel aus Codex II von Nag Hammadi [im Koptischen Museum zu Alt-Kairo. Berlin, 1962 (VIO, Nr. 58)]*, 146, 13 и 147, 16; без наречного усиления: *ibid.*, 161, 23. В своих кратких замечаниях об особенностях языка Бёлиг не отмечает сосуществования обеих форм, однако он фиксирует это в указателе, включая в него **зате** — обычную форму слова в *S*, которая не представлена в “Безымянном сочинении”). Поскольку форма **оуанг-авал** происходит из “Евангелия

лексическом уровне⁴⁹. Такова в общих чертах ситуация в коптском языке, о частности можно узнать из грамматик и словаря.

Что же стоит за этим развитием? Иными словами: что заняло место форм *status constructus*, т.е. место тех слов, которые редуцировались вследствие перемещения ударения в колонне? Тут следует различать два аспекта. Во-первых, постепенно усилилась уже определенно различимая в новоегипетском и получившая дальнейшее развитие в коптском тенденция, противостоявшая преобразованию слов и парадигм под воздействием ударения. Эта тенденция затронула результаты влияния как словесного, так и фразового ударения⁵⁰; поскольку сейчас речь идет о фразовом ударении, следует вспомнить наше замечание о борьбе двух противоположно направленных сил (см. выше, с. 7). Важно, что тенденция первоначально никоим образом не была направлена против фразового ударения, т.е. способа образования колонов; преобразование *jtjw.sn* “их отцы” (примерно *jatjǎwsun) в *jtjw.w* и далее в *n3.w-jtjw* (копт. *Ⲛⲉⲧⲉⲓⲟⲩⲉ*) или *sdm.sn* “они слушают” (примерно *sadmāsun) в *sdm.w* и далее в *jrj.w-sdm* “они делают слушание”, *jw.w sdm* и *st-hr-sdm* “они при слушании” (копт. *Ⲥⲁⲧⲥⲟⲩⲙ*, *Ⲉⲧⲥⲟⲩⲙ*, *ⲪⲈⲤⲟⲩⲙ*), и многие другие проявления “конверсии” и “аналитического” разложения синтетических форм лежат в данном отношении в одной плоскости с повсеместным вытеснением *status constructus*, поскольку во всех этих случаях речь идет о сокращении числа фонетических вариантов одного и того же слова⁵¹.

На смену формам *status constructus*, наряду с которыми еще существовали формы *status absolutus*, пришли словосочетания, в которых в принципе не происходило утраты ударения. Скорее всего, такие словосочетания первоначально охватывали два колона — иначе было бы трудно объяснить столь заметные различия в степени редукции.⁵² Прямой генитив был вытеснен конструкцией косвенного генитива, состоявшей — с исторической точки зрения — из *pomen regens* и составного определения (“сын-человека” превратилось в “сын, принадлежащий(= *nj*)-человеку”). Между существительным и определением вклинился предлог *ḥ-ḥ* (исторически восходящий иногда к древнему *m*, иногда — к древнему *nj*). Таким образом, практически совпали две формы: определение в атрибутивных конструкциях и *pomen rectum* (управляемое имя — *Прим. перев.*) в генитивных конструкциях. Такая ситуация по сути сходна с более ранней, когда обе конструкции также имели одинаковую форму *status constructus*. Прямое именное дополнение в определенных синтаксических условиях стало вводиться посредством “показателя прямого падежа” *ḥ-ḥ* (возникшего из разделительного употребления древнего предлога *m*)⁵³, так что конструкция прямого падежа приобрела тот же вид, что генитивная и атрибутивная⁵⁴.

Истины” и принадлежит субахмимскому диалекту, а “Безымянное сочинение” “очень сильно пропитано субахмимским элементом” (Böhlig. Op. cit. S. 15), редуцирующее воздействие наречия на предшествующий инфинитив пока на уровне синхронного изучения следует считать особенностью субахмимского диалекта.

⁴⁹ Например, когда существительное в *status constructus* стоит перед прилагательным: *Ⲥ ⲉⲓⲉⲣⲟ* (*jtjw-ʕ3*), *ⲣⲛⲡⲧⲓⲣⲉ* (*rnpt-šrj*), *ⲣⲣⲟ* (*pr-ʕ3*), *Ⲥⲧⲱⲟⲩⲛ* (*stj-bjn*), *Ⲥⲧⲛⲟⲩⲩⲉ* (*stj-nfr*), а также в конструкциях прямого генитива: *Ⲥ ⲉⲓⲉⲡ-* в *ⲉⲓⲉⲡ-ⲩⲉ* (*jpwt-ht*) и т.д. (Crum, CD, 81), *Ⲕ ⲛⲉⲱ-* в *ⲛⲉⲱ-ⲁⲗⲓ* (*nbw-ʕʕw*) и т.д. (Crum, CD, 221b), *Ⲥ ⲃⲱ-* в *ⲃⲱ-ⲁⲟⲩⲉⲧ* (*g3bt-djt*) и т.д. (Crum, CD, 804a) и во многих других случаях.

⁵⁰ Ср.: F. Hintze. Die Haupttendenzen der ägyptischen Sprachentwicklung // *Zeitschrift für Phonetik* 1, 1947. S. 85 ff., и дальше: “Konversion” und “analytische Tendenz” in der ägyptischen Sprachentwicklung // *Zeitschrift für Phonetik* 4, 1950. S. 41 ff. (следует обратить внимание на замечания, касающиеся проблемы понятий “аналитический” и “синтетический” на с. 53 сл.). Fecht, Wortakzent, Index. S. 250 (a–b), см. “Vereinheitlichung der Akzentstelle im Paradigma” (со ссылками), “Veruneinlichung des Paradigmas durch Akzentwirkung” (со ссылками).

⁵¹ Разумеется, и другие тенденции оказывали свое влияние, но это не должно заставить нас упустить общую сущность названных явлений.

⁵² Следует обратить внимание на то, что отсутствие влияния фразового ударения на словесное в принципе не позволяет делать какие-либо выводы о фразовом ударении (т.е. образовании колонов); данный случай представляет собой исключение, поскольку в формально различных конструкциях, обладавших одинаковой функцией, редукция в одном случае бесспорно имела место, а в другом — нет. Естественно, установление этого факта важно для определения древнего фразового ударения.

⁵³ В. Тилль, однако, считает это *ḥ-ḥ* показателем генитива, см. Till, *Kopt. Gramm.* § 258 (*Прим. перев.*)

⁵⁴ Кроме того, шире распространяется присоединение дополнения посредством других предлогов, как это было и в староегипетском; результат все тот же — избегание *status constructus* (и *status pronominalis*).

Замена конструкций, для которых была характерна редукция слов [Wortenttonung], другими, в основном состоящими из двух колонов, должна быть сравнительно древней: несмотря на то, что изменения, направленные против последствий перемещения словесного ударения (по сути — “конверсия”), в значительной степени хорошо известны уже в новоегипетском (Erman, Näg. Gramm.⁵⁵ § 200), тот факт, что опосредованное присоединение определения⁵⁶ и именного дополнения⁵⁷ не появляется в письменном языке на столь раннем этапе, объясняется новизной этих конструкций, из-за которой они очень долго не могли проникнуть в письменный язык, тем более, если учесть, что новоегипетский письменный язык и без того нередко пренебрегал предлогами. В эпоху, когда редукция безударных слогов под воздействием словесного ударения (а также редукция слов со слабым ударением под действием фразового ударения в определенных устойчивых колонах) была более ощутима, в просторечном слое языка, из которого позже возник коптский, конструкции с безударными редуцированными словами заменялись эквивалентными конструкциями, в которых подобных слов не было⁵⁸. При этом борьба велась, конечно, не со словесным или фразовым ударением, как таковым, а лишь с нежелательными побочными явлениями этого ударения. Поэтому крайне вероятно, что в течение неизвестного нам, возможно, весьма короткого промежутка времени, был восстановлен древний размер колонов. Другими словами: маловероятно, что египетское фразовое ударение вдруг обнаружило бы в распространенных синтаксических конструкциях множество более мелких, чем прежде, колонов. Если бы это было так, то везде, где встречалось определение, прямое дополнение нового вида или генитив, речь должна была становиться более прерывистой и рубленой, расчлененной многочисленными паузами на короткие колоны. Скорее следует предположить, что вновь утвердились или вообще никогда не исчезали древние речевые обычаи, которые могли отличаться значительной консервативностью именно в сфере фразового ударения.⁵⁹

Это предположение правомочно, прежде всего, в отношении определения и дополнения, поскольку в их сфере возникло нечто новое, пусть даже предпосылки к тому существовали издавна; а также в отношении косвенного генитива, ставшего теперь единственным видом генитивной конструкции; я бы предположил, что в системе фразового

В связи с определительными отношениями следует также упомянуть перефразирование посредством краткого относительного предложения (Till, Kopt. Gramm. § 147b).

⁵⁵ A. Erman. Neuaegyptische Grammatik. Zweite, völlig umgestaltete Auflage / Geschrieben von W. Erichsen. Leipzig, 1933 (репринтные издания: Darmstadt, 1957; Hildesheim — New York, 1979 и др.). (Прим. перев.)

⁵⁶ Посредством *nj-*: Erman. Op. cit. §§ 209–212, 225, к этому следует добавить “Спор Хора и Сета”, 5, 7; о более раннем типе присоединения посредством *m-* см. Gardiner, Eg. Grammar, § 96, 2.

⁵⁷ Erman. Op. cit. § 691, Anm.; W. Spiegelberg // RT 26, 1904. P. 34 f.; Gardiner, P. ChesterBeatty I. P. 39, n. 1; Caminos // JEA, 38. P. 54 [R. A. Caminos. Gebel es-Silsilah No. 100 // JEA, 38, 1952. P. 46–61]; idem. Late Eg. Miscell., p. 221 [R. A. Caminos. Late-Egyptian Miscellanies. London, 1954 (Brown Egyptological Studies, I)]; Černý, Gardiner, Hier. Ostr. I. Pl. VIII, 3 [J. Černý, A. H. Gardiner. Hieratic Ostraca. Vol. I. Oxford, 1957].

⁵⁸ С тем ранним этапом, когда началось это развитие, может быть также связано то обстоятельство, что *poṃen regens* редуцировался еще в целом ряде косвенных генитивных и атрибутивных словосочетаний (Till, Kopt. Gramm. § 115); объединяющая сила [univerbierende Kraft] фразового ударения в определенных случаях еще более укрепилась. Другие примеры подобной редукции относятся к сфере образования префиксов в коптском: из *poṃen regens*, часто встречавшегося в косвенных генитивных конструкциях, мог возникнуть некий вид префикса (Till, Kopt. Gramm. §§ 124, 127, 135, 141, 143). С этим можно сравнить редуцированные косвенные генитивы, слившиеся с предлогами, например: *ḡxn-*, *εxn-* (*hr-d3d3 n-*, *r-d3d3 n-*) и многие другие. В двух последних примерах редуцированный вариант слова обладал совершенно самостоятельной функцией (именной префикс, предлог) и поэтому он не воспринимался как особая дополнительная фонетическая форма наряду со *status absolutus*. Редукция инфинитива перед дополнением, присоединенным посредством *ṃ-*, крайне редка (Till, Kopt. Gramm. § 343 B).

⁵⁹ Доказать непрерывность развития фразового ударения, конечно, не просто. Относительно благоприятно для изучения развитие германского и древневерхненемецкого в нововерхненемецкий, поскольку древнегерманская аллитерационная поэзия была зависима от фразового ударения (только слова с сильным ударением, т. е. сильные места колона могли связываться аллитерацией). Ср. краткое обозрение: W. Streitberg. Urgermanische Grammatik (репринт: Heidelberg, 1943), § 141 (S. 163–166), где показана примечательная преемственность нововерхненемецкого. Ср. также: H. Hirt. Handbuch des Urgermanischen, III. §§ 199–228.

ударения он уже не распадался на два колона. Понятно, что нельзя доказать, т.е., во всяком случае, невозможно обосновать ничем, кроме общих рассуждений, предположение о том, что сочетания типа **ⲟⲩⲣⲟⲙⲉ ⲛⲥⲁⲃⲉ** “мудрый человек”, **ⲡⲕⲁⲗ ⲛⲕⲛⲓⲙⲉ** “страна Египет”, **Ⲛⲥⲟⲡⲥⲧ ⲙⲡⲉⲓⲰⲧ** “он просит отца” образуют лишь один колон; но все же это, по крайней мере, более вероятно, чем обратное утверждение, и потому данное предположение имеет большое значение для правильного истолкования коптской метрики. Новые конструкции или те конструкции, которые стали единственно употребительными, следует, по-видимому, рассматривать как составные, но цельные колоны: *urōme-nsabé*, *pkāh-ḥkēme*, *fsōpsp-ḥpīōt*, подобно немецкому “das-Zimmer-ist-größ” (в противоположность “ich-bin-im-Zimmer”, где второстепенное ударение обычно не ощутимо).

Выше мы отметили (с. 11), что, отвечая на вопрос о том, что стояло в коптском за вытеснением редуцированных форм (*status constructus*), следует различать два аспекта проблемы. До сих пор мы говорили об одной ее стороне, а именно — о замещении словосочетаний с формами *status constructus* словосочетаниями с косвенным управлением, вставлявшими **ⲛ̄**-/**ⲛ̄**-. Мы высказали мнение, что этот процесс, по крайней мере отчасти, начался уже в новоегипетском. Второй аспект, который следует принимать во внимание, еще более фундаментален: имеется достаточно признаков, указывающих на то, что древнее сильное экспираторное ударение в коптском ослабло и постепенно заменялось преобладающим тональным ударением⁶⁰: возникло много анаптических гласных⁶¹; полноударные инфинитивы (*status absolutus* или *status pronominalis*), которые стали употребляться в качестве *status constructus*, по большей части (прежде всего в ахмимском диалекте) уже не редуцировались; то же самое относится и к составным предложениям (прежде всего в файюмском диалекте), употреблявшимся в форме *status pronominalis*⁶²; в генитивных и атрибутивных словосочетаниях *nomen regens* и *rectum* также могли теперь соседствовать без утраты ударения, если редуцированный *nomen regens* древнего сопряженного словосочетания (*status constructus*) вторично преобразовывался по образцу форм *status absolutus*⁶³.

С одной стороны, это заставляет прийти к выводу о том, что предлоги типа **ⲉⲗⲟ**- или формы *status constructus* типа **ⲣⲟⲙ**- бесспорно не имели собственного ударения так же, как **ⲗⲟⲱ** перед **ⲛⲓⲙ**, **ⲥⲟⲟⲓ** перед **ⲛⲟⲩⲩⲓ** и т.д., хотя они и демонстрируют полную огласовку *status absolutus* или *pronominalis*. С другой стороны, следует принять во внимание то, что метрика, несомненно, была основана на древнем экспираторном ударении, и поэтому его ослабление, повлекшее фундаментальные изменения, могло оказать на нее разрушительное влияние.

В своей новаторской работе “Bruchstücke koptischer Volkslitteratur”, которой многим обязаны все серьезные попытки изучения метрики, Эрман говорит (S. 44): “С самого начала следует исходить из того, что метрический строй этих стихов основан на словесном ударении, которое играет столь важную роль в коптском языке”. При этом он считает все формы *status constructus* безударными, а все слова с полной вокализацией ударными: конечно, при таком подходе ему пришлось считаться со многими исключениями. Он не сознавал, что в основе его работы лежало недопустимое смещение фразового ударения (лишь те очень тесные колоны или части колонов, которые включают редуцированные слова) и словесного (все прочие слова, хотя совершенно невозможно, чтобы каждое из них могло образовывать отдельный колон). Подход Эрмана был воспринят Юнкером и Севе-

⁶⁰ Я исследовал этот вопрос и привел ссылки на литературу в работе: Fecht, Wortakzent und Silbenstruktur, §§ 434–437.

⁶¹ Вспомогательные гласные звуки, которые вставляются между согласными для облегчения произношения слова. В русском языке примером может служить слово “контраргумент”, которое нередко произносят, вставляя дополнительный гласный звук: “конт^ераргумент”. (Прим. перев.)

⁶² Ср. *S* ⲉⲗⲛ-: *F* ⲉⲗⲟⲛ-, *SF* ⲉⲗⲟ-; *S* *ⲗⲁⲗⲛ-: *S* ⲗⲁⲗⲟⲛ-; *S* ⲗⲓⲗⲛ-: *SF* ⲗⲓⲗⲟ-, *S* ⲗⲓⲗⲟ-, *F* ⲗⲓⲗⲟⲛ-; *S* ⲗⲁⲗⲧⲛ-: *F* ⲗⲁⲗⲟⲛ-.

⁶³ Определение: *B* ⲥⲟⲟⲓ ⲛⲟⲩⲩⲓ (*S* ⲥⲧ-ⲛⲟⲩⲩⲉ), *ⲥⲟⲟⲓ* ⲱⲛ (*S* ⲥⲧ-ⲱⲟⲛ); сюда же следует отнести тот факт, что перед **ⲛⲓⲙ** “каждый” и т.д. теперь — в противоположность тому, что было раньше (см. выше с. 10 и прим. 44, **ⲣⲛ**-**ⲛⲓⲙ**) — всегда стоит *status absolutus*. Генитив: тип *S* **ⲣⲟⲙ**- (наряду с *S* **ⲣⲛ**-).

Сёдербергом, хотя последний сделал столь много важных наблюдений об “исключениях”, что практически приблизился к понятию фразового ударения.

В заключение наших рассуждений выдвинем следующие общие тезисы для оценки коптской метрики:

1. Колонны фразового ударения не обязательно совпадают с полногласным (т.е. нередуцированным) словом, или группой слов, в которой одно слово огласовано нормально (словосочетания, использующие *status constructus*); очень часто колонны бывают более широкими⁶⁴. Объем колонов может быть установлен только путем эмпирического исследования, базирующегося на обширном текстовом материале. Закономерности более древней египетской метрики могут привлекаться как вспомогательное средство, но при этом следует учитывать, что закономерности коптской метрики не могут быть тождественны более древним, которые со времен Среднего царства и до конца иероглифической письменности оставались в целом неизменными и традиционно сохранялись, несмотря на то, что фразовое ударение на протяжении двух тысячелетий, несомненно, претерпевало изменения так же, как оно их претерпело ко времени Среднего царства по сравнению с древнейшими временами (см. ниже).
2. Есть основания полагать, что сочетания существительного с определением, присоединенным посредством $\bar{n}/\bar{m}$ - (а также посредством $\epsilon\tau$ -), инфинитива с дополнением, присоединенным посредством $\bar{n}/\bar{m}$ -, *nomen regens* с *nomen rectum*, присоединенным посредством $\bar{n}/\bar{m}$ -, всегда образовывали одно ударное место (т.е. один колон или часть колона)⁶⁵.
3. Там, где вместо обычно употребляемого или ожидаемого словосочетания, использующего *status constructus*, стоят рядом полногласные слова (вида сѳоі-ноуѳі , ѳѳв-ннм , ѳѳѳ- , рѳм- , соуѳн- и т.д.), эти слова не следует рассматривать как два ударных места (два колона)⁶⁶.
4. Кроме того, всегда необходимо считаться с иррациональными нерегулярными случаями — в первую очередь в поздних текстах, использовавшихся Эрманом и Юнкером, но не только в них, — поскольку экспираторное ударение, на котором прежде строилась метрика, ослабло и находилось в процессе преобразования, либо уже стало тональным.

Следует сделать еще два замечания по поводу текстов, которые рассматривали Эрман и Юнкер:

1. Знаки пунктуации, разделяющие стихи (“стихотворные точки” [Verspunkte]), встречаются во многих рукописях, начиная с Нового царства; непонятно, почему коптская пунктуация должна быть ценнее, чем древняя.
2. В работе “Koptische Poesie des zehnten Jahrhunderts” (S. 35 ff.) Юнкер установил число ударных мест в отдельных стихах путем, — цитирую Юнкера (S. 35), — “применения важного принципа..., закона согласования песен со строфой-образцом [Musterstrophe] и взаимного согласования строф, имеющих одинаковый размер”. Этот эвристический принцип вызывает сомнения. В древних египетских текстах, в том числе в песнопениях, гимнах и т.п. последовательность определенного количества ударных

---

⁶⁴ Ср. наблюдения Севе-Сёдерберга о словосочетаниях с ѳооп , оуѳѳ , о (Studies in the Coptic Manichaean Psalm-Book, p. 19 f.); о сочетаниях предлогов с наречиями и инфинитивов или квалитативов с наречиями (ibid, p. 18 f.; ср. выше, с. 10, прим. 48: оуѳѳѳ-ѳѳѳ и ѳѳѳ-ѳѳѳ , — некогда здесь также произошла утрата ударения); о частицах (ibid, p. 23 f.) и пр.

⁶⁵ Ср. наблюдения Севе-Сёдерберга об “исключениях” при присоединении определения посредством n/m - (Studies, I: 2, a–b); при присоединении определения посредством $\epsilon\tau$ - (ibid, I: 2, c = p. 13; ср. также выше, с. 10, прим. 43, о ѳѳ-ѳѳѳѳ); с косвенным генитивом (ibid, I: 1 a = p. 6)

⁶⁶ Ср. наблюдения Севе-Сёдерберга о типе ѳѳв-ннм (Studies, I: 4, a), ср. также выше с. 10, прим. 44 и с. 13, прим. 63, рѳ-ннм .

мест в стихах далеко не всегда регулярна, подобной регулярности нельзя ожидать и в коптском. Строфы-образцы задают только мелодию. Тот, кому известны традиционные коптские церковные песнопения с их разрывами в протяжном ритме текста, не станет ожидать от раннесредневековых песнопений совершенно правильного метрического строя.

В заключение следует сказать, что впечатление о том, что коптскую метрику восстановить легче, чем египетскую, обманчиво. Бесспорно, наличие гласных звуков придало исследователям смелости, однако из огласовки мертвого языка совершенно невозможно вывести законы его фразового ударения — подтверждением тому может служить пример древнееврейского языка, метрика которого, несмотря на все усилия, все еще остается скрытой для гебраистов. Поэтому и не оправдались надежды Эрмана, который полагал, что именно коптская метрика “однажды научит нас читать и древние египетские стихи, чье консонантное письмо до сих пор насмеялось над всеми нашими стараниями”. Коптские метрические тексты содержат довольно важные отправные точки, необходимые для восстановления древней метрики, но и открытие древней метрики в свою очередь проливает свет на некоторые трудности поздней и по-своему очень проблематичной метрики коптского. Исходя из перечисленных выше положений и сведений, накопленных о египетской метрике, я исследовал коптские метрические тексты, как я полагаю, довольно успешно. Конечно, это исследование здесь опубликовать невозможно: моя задача пока заключается лишь в том, чтобы обсудить препятствия, мешающие восстановлению метрики, и показать, что изначально непреодолимых препятствий для решения этой проблемы не существует.

III. Реконструкция египетской метрики

Уже Эрману и всем, кто после него интересовался сущностью коптской и египетской метрики, в принципе было очевидно, что египетская метрика, если она вообще когда-либо существовала, могла быть только “акцентной”⁶⁷. Рассуждение общего рода делает это заключение очевидным. Со времени исследований Эрмана, Штайндорфа и Зете никто не сомневается в том, что для египетского языка было характерно сильное экспираторное ударение; достаточно сослаться на “Koptische Grammatik”¹, § 41⁶⁸ Штайндорфа, “Die Vokalisation des Ägyptischen”⁶⁹ Зете и, наконец, на мою работу “Wortakzent und Silbenstruktur”. Известно, что распространенные в мире системы стихосложения всегда зависят от типа ударения в соответствующих языках. Там, где господствует тональное ударение, следует ожидать квантитативной метрики, т. е. метрики, которая, подобно древнегреческой, основана главным образом на чередовании строк с постоянным количеством слогов в соответствии с каким-либо правилом. Там же, где преобладает экспираторное ударение, может существовать лишь акцентная метрика, в основе которой, независимо от различных конкретных вариантов, всегда лежит словесное и, в первую очередь, фразовое ударение, то есть членение речевого потока на колоны. Далеко ходить за примерами акцентной метрики не надо: все романские (за исключением классической латинской литературы), славянские и — особенно явно — германские языки знают только этот тип метрики⁷⁰. Эти утверждения несколько не новы, и не оригинальны; я вдавался более подробно в эти материи в MDIK 19 и не хотел бы здесь этого повторять⁷¹.

---

⁶⁷ В терминологии традиционной поэтики — квалитативной, т.е. проводящей качественное различие между ударными и безударными слогами без различия слогов долгих и кратких. (*Прим. перев.*)

⁶⁸ G. Steindorff. Koptische Grammatik mit Chrestomatie, Wörterverzeichnis und Literatur. 1. Aufl. Berlin, 1894.

⁶⁹ K. Sethe. Die Vokalisation des Ägyptischen // ZDMG, 77, 1923. S. 145–207.

⁷⁰ Г. Фехт, однако, не учитывает силлабического стихосложения, основанного на счете количества слогов в стихе без учета ударений. Этот вид стихосложения долгое время преобладал в романской и славянской поэзии (см.: М. Л. Гаспаров. Очерк истории европейского стиха. Изд. 2-е. М., 2003. § 33–42, 53–58). (*Прим. перев.*)

⁷¹ Здесь уместно сослаться на перо востоковеда: G. Weil. Grundriß und System der altarabischen Metren. Wiesbaden: Harrassowitz, 1958. См. гл. I “Постановка проблемы” и гл. VI “Квантитативные размеры у греков и арабов”. О значении фразового ударения (колона) в немецком стихосложении см.: A. Heusler. Deutsche Verslehre

Известно несколько форм акцентной метрики. Помимо обязательного учета словесного и фразового ударения значимым поэтическим средством может быть аллитерация слов с сильным ударением (вершин колона), как в древнегерманской поэзии (вплоть до древневерхненемецкого включительно: “Хелианд”⁷²), концевая рифма и такт (устойчивая метрико-ритмическая форма, основанная на мельчайших колонах в противоположность обычно более крупным колонам естественной речи). Несмотря на наше недостаточное знание древней вокализации, можно определенно утверждать, что ни одно из этих средств не было частым или обязательным в египетской метрике. Аллитерацию легко можно заметить, поскольку она основана на консонантизме. Она действительно встречается, но лишь изредка, и только в качестве дополнительного, факультативного средства⁷³. То же относится и к концевой рифме, которая также встречается лишь изредка; иной раз концевая рифма могла ускользнуть от нас — ведь вокализация имеет здесь большее значение — но абсолютно точно то, что она не была обязательной. Наконец, такт. Эрман в “Bruchstücke koptischer Volkslitteratur” (S. 45) сформулировал вопрос: “Как обстоит дело с второстепенным ударением в более длинных группах слов? [...] нельзя же произнести ⲟⲟⲟⲟⲟ , ⲟⲟⲟⲟⲟ , ⲟⲟⲟⲟⲟ без того, чтобы поставить второстепенное ударение на безударном в принципе слоге. Но как это происходило в отдельных случаях? И насколько это учитывалось метрикой?” Следует отдавать себе отчет в том, что Эрман был первопроходцем и, естественно, на его восприятие коптского стихосложения влияло его воспитанное на античной и новой европейской поэзии чувство, поэтому он искал там строгий ритм и такт. Его последователи обоснованно прекратили такие поиски. Из текстов становится очевидно, что в коптском последовательность вершин колонов не образовывала строгого и обязательного такта; также ясно и достоверно, что в коптской метрике не было в высшей степени сложного и вовсе не само собой разумеющегося взаимопроникновения такта и естественного ритма. В отношении египетского можно все же сомневаться, не играл ли в нем определенной роли жесткий ритм или даже такт. Но с самого начала вполне понятно, что он не мог быть обязательным, поскольку соблюдение такта у нас и всюду, где он существует, ведет к изменению порядка слов, а в низкосортной поэзии — к искажению строя предложения. В египетских метрических текстах невысокого качества нет недостатка — достаточно посмотреть на изобилие дошедших до нас гимнов, молитв и заупокойных текстов — однако произвольная перестановка слов в них не обнаруживается.

Когда около 1950 г. я отважился на первые робкие опыты по определению метрики, интерес к которой возбуждался недостатком наших знаний о египетской поэзии, мне с самого начала казалось вероятным, что в египетском языке, как и в коптском, был важен только счет вершин колонов (“ударных мест” [“Hebungen”]). Единственной до некоторой степени надежной отправной точкой были те колоны, которые в коптском или в древних клинописных передачах обнаруживали утрату ударения или усечение. Следовало предположить, что, по крайней мере, уже в текстах Нового царства особенно явные словосочетания, использовавшие *status constructus* (и все те словосочетания, модели которых мне были известны как “слитные словосочетания древнего способа образования”) представляли собой отдельные ударные единицы. Это ядро, сформировавшееся из немногих, но крайне часто встречающихся правил, оказалось возможным расширить: поскольку конструкции косвенного генитива и сочетания имен с глагольными формами посредством предлогов не претерпевали в коптском утраты ударения, можно было в порядке

(прежде всего § 65). Проще всего понять зависимость от фразового ударения в древнейшие времена. Взаимопроникновение “естественного ритма языка” (= естественные колоны) и “такта” (мельчайшие колоны, делающие возможным закономерное чередование слогов с сильным и слабым ударением) усложняет и обогащает картину. Более подробные замечания на этот счет (со ссылками на литературу) см. в MDIK 19.

⁷² Название немецкой средневековой поэмы, которую Гаспаров (ук. соч., с. 33), в отличие от Фехта, называет нижненемецкой. (Прим. перев.)

⁷³ Например, аллитерированные начала стихов в строфе в конце Большого амарнского гимна. Частое согласование начальных частей строф (совпадение стихов или частей стихов) — это, конечно, нечто иное.

эксперимента допустить, что в таких конструкциях первоначально было два ударных места⁷⁴. Кроме того, существовали естественные отправные точки, которые трудно сформулировать в виде правил: например, то, что с каждым новым предложением и, вероятно, с придаточным предложением, начинается новый колон, что синтаксически параллельные, но не связанные между собой существительные и глагольные формы могли представлять — каждое в отдельности — одно ударное место, и т.п.

Бессмысленно перечислять все верные и ложные направления, испробованные мной на пути к цели, когда я на описанных основаниях, более или менее прочных, пытался продвинуться вперед с помощью опытов и перебора комбинаций, всегда сознавая, что колоны, несомненно, порой могли быть шире, чем стянутые вследствие утраты ударения части предложения. Всё новые проверки, критические эксперименты с принципиально или незначительно различающимися вариантами, которые, однако, вскоре признавались невозможными, привели меня около шести лет назад к результатам, которые вновь и вновь подтверждались для каждого следующего изучаемого текста, и которые я при всем своем критическом отношении должен был признать правильными.

Полученные результаты подтверждались для текстов разных периодов. Это порождало сомнения: ведь между ними должны были существовать местные или — что значительно вероятнее — временные различия. Чтобы исключить подобные сомнения, я выбрал, дабы окончательно подтвердить или опровергнуть свои выводы, ту группу текстов, которая лучше всего подходила для моих целей: тексты из Амарны. Это большая, относительно однородная группа текстов, принадлежащих к одному времени и, насколько возможно, свободных от случайных вкраплений традиционных или архаичных черт, которые могли бы осложнить анализ. Кроме того, в их число входит много произведений, по всей вероятности обладающих метрическим строем: гимнов, праздничных молитв и т.д. Я исследовал и транслитерировал все тексты из восьмого тома *Bibliotheca Aegyptiaca*⁷⁵. При этом я обрел только подтверждения и дополнения к уже собранным правилам; более того, я установил, что все тексты, если они длиннее нескольких слов, обнаруживают те же основные метрические структуры, которые имеются, например, в гимнах. С окрепшим доверием к своим результатам, которые я по-прежнему пытался опровергнуть в частностях хотя бы ради эксперимента (но это было тщетно), я анализировал тексты от древнейших до позднейших времен и убедился в том, что правила, действительные для Амарны, пригодны для значительного промежутка времени от Среднего царства до позднейших храмовых надписей; однако тексты Старого царства (и, по крайней мере отчасти, Первого переходного периода) демонстрировали отступления от нескольких важных правил.

Я сознательно не стал выбирать исходным пунктом для своих исследований тексты Нового царства, снабженные стихотворными точками, и обращался к ним до “генеральной репетиции” с амарнскими текстами только в выборочных поверхностных опытах, проводившихся ради проверки и обоснования уже достигнутых (без стихотворных точек) выводов относительно нормального числа ударных мест в стихе. Ведь высказываются сомнения в том, что стихотворные точки разделяли стихи; кроме того, мне казалось правильным по возможности дольше сохранять независимость от какого-либо влияния, чтобы потом иметь возможность сравнить независимо полученные выводы с системой стихотворных точек. Когда же я, наконец, стал изучать тексты со стихотворными точками, я обнаружил, с одной стороны, что в рамках моей системы подавляющее большинство их проставлено правильно, с другой стороны, — что не так уж редко встречаются ошибочные стихотворные точки. Важно, что неправильно поставленные точки взаимно противоречат друг другу, и в некоторых случаях можно установить, почему писец допустил ошибку в пунктуации⁷⁶. Особенно частые ошибки следует понимать как результат взаимного смешения некоторых типов колонов, имеющих двойственный характер, или, в конце концов,

⁷⁴ Позднее мне стало ясно, что для коптского это предположение несправедливо, ср. выше с. 13–15.

⁷⁵ M. Sandman. *Texts from the time of Akhenaten*. Bruxelles, 1938 (201 p.).

⁷⁶ Я отметил подобные случаи в MDIK 19, разбирая три любовные песни из п. Chester Beatty I.

как следствие изменившегося фразового ударения. Следует учитывать, что и в наших текстах часто встречаются разного рода ошибки; почему же такой деликатный элемент как разделение стихов точками должен быть совершенно свободен от них!

Более важен вопрос, почему стихотворные точки появляются только со времени Нового царства. Не следует ли интерпретировать это как некое подобие вторичных и далеко не всегда верных огласовок в древнееврейском, которые появились лишь тогда, когда этот язык перестал быть живым разговорным языком и потому возникла опасность неверного произношения? Ведь в Старом царстве была своя метрика, в Среднем тоже, а вот Новое царство сохраняло верность среднеегипетской метрике, несмотря на то, что новоегипетский язык существенно отличался от среднеегипетского. В период между ранним Старым царством и Средним фразовое ударение изменилось в соответствии с усиливающейся редуцией гласных в безударных словах. Этот процесс явно не остановился на том этапе, которого он достиг к 2000 году: тот факт, что более четко контролируемое развитие словесного ударения не застыло на уровне 2000 года, является бесспорным! То, что метрика, существовавшая в середине 2 тыс. до н.э. и позднее, оставалась неизменной — это, без сомнения, результат того, что продолжалась передача литературы и, прежде всего, языка Среднего царства: среднеегипетские тексты играли важную роль в процессе обучения. Однако, насколько мы можем судить, коптскую метрику отличают от древней многие важные правила (см. выше с. 14): эти отличия должны были проникнуть во фразовое ударение разговорного языка в промежутке между 2000 годом и первыми веками нашей эры. Такая ситуация явно требовала какого-либо вспомогательного средства типа стихотворных точек, помогавших сохранять то членение текста на стихи, которое уже не могло с прежней безошибочностью основываться на фразовом ударении живого языка. В эпоху Нового царства метрические правила уже не соответствовали закономерностям живой речи столь естественно, как прежде; теперь во всех частях своей системы метрика стала искусством, которому надо было учиться⁷⁷.

Наконец, следует обратить внимание на то, что египетская фраза обычно содержит 2 или 3 ударных места, однако в определенных условиях встречаются стихи как с одним, так и с 4 ударными местами, хотя последнее бывает крайне редко. При этом автор всегда имел возможность ввести стих с одним или 4 ударными местами, если он не справлялся со своим текстом. Даже если это выглядело неправильно с точки зрения строения текста, он все же оставался в пределах того, что было само по себе допустимо, тогда как стихи с 5 ударными местами и более были невозможны в принципе; насколько мне известно, они не встречаются (или, во всяком случае, исключительно редки) даже в текстах с неаккуратно проставленными точками. Если мы примем во внимание ту значительную степень свободы, с которой египтяне обращались со своими текстами, нам не покажется удивительным, что слабые писцы времен Нового царства не всегда правильно расставляли стихотворные точки.

Публикация результатов моего исследования изначально планировалась в рамках монографии, посвященной большому амарнскому солнечному гимну и родственным ему гимнам Амарны. В ZÄS 85 (1960), S. 91–92 я ссылаюсь на эту предстоящую публикацию.

---

⁷⁷ Во избежание ложного истолкования этого утверждения, следует подчеркнуть, что, с одной стороны, на наше восприятие общей ситуации может влиять большое количество учебных текстов эпохи Нового царства, а с другой — нельзя утверждать, что никогда не всплывет текст Среднего царства, в котором будут проставлены стихотворные точки. Нас это касается постольку, поскольку существует следующее утверждение: резкое различие между Новым царством, от которого дошли отнюдь не только учебные тексты со стихотворными точками, и Старым, говорит о том, что стихотворные точки, даже если они и были “изобретены” в эпоху XVIII династии или еще ранее, приобрели в Новом царстве особое значение. Тот факт, что Манефон передает имена царей всех эпох в той речевой форме (с гласными и ударением), которая была принята в его время, может продемонстрировать тем, кто в этом сомневается, что произношение древних форм всегда было “современным”; сосуществование различных языковых форм находило отражение в существовании различных способов выражения, но это происходило не из-за того, что одна языковая форма была древнее другой, а оттого, что различные языковые формы восходили к различным диалектам или (вторично) разным социальным слоям.

В 1960 г. на XXV международном конгрессе востоковедов в Москве я прочел доклад “Сообщение об исследовании древнеегипетской метрики”⁷⁸, в нем я также упоминал эту планировавшуюся и к тому времени в значительной части уже существовавшую в рукописи монографию. Однако препятствия частного характера и рассуждения общего порядка привели меня к выводу о том, что было бы неправильно публиковать исследование о метрике таким образом. Эта метрика очень проста как в отношении ее основных элементов, так и в отношении ее структуры: она основана только на счете вершин колонов. Это простое средство, позволяющее упорядочить речь, определяет также строение текста, и это строение — в котором и заключается собственно художественный момент, — может быть необычайно искусным и оттого необычайно сложным и многослойным в отдельных произведениях определенных жанров. Примером такого исключительного, со всех точек зрения прямо-таки рафинированного членения, которое в то же время является и наиболее целесообразным, может считаться Большой амарнский гимн. Ныне я полагаю более правильным начать не с многосторонней и труднообозримой монографии, а с изложения принципов метрики как таковой, сформулированных в нескольких статьях на примере относительно кратких и потому менее сложных текстов, позволяющих вскрыть метрическое членение в простых формах. В ближайшем будущем планируются отдельные публикации более высокой степени сложности.

IV. Сущность метрики

Выше уже были сделаны отдельные замечания о сущности египетской метрики. Теперь следует дать общий обзор, поскольку без него наши примеры метрических текстов едва ли могут быть оценены⁷⁹.

Наименьшим элементом является стих. С точки зрения содержания он представляет собой относительно замкнутую смысловую единицу, с точки зрения метрики он обычно содержит два или три ударных места (т.н. фразовые колоны [Satzkola]). При определенных обстоятельствах стих может содержать всего лишь одно ударное место; предпосылкой для этого может служить четкое ограничение такого стиха тем, что сказано до и после него, — ограничение, не позволяющее связать его с каким-либо стихом в другой части текста. Подобные “одноударные” стихи, в целом крайне редкие, довольно популярны в некоторых литературных жанрах, однако что-либо действительно определенное по этому поводу можно сказать лишь после тщательных исследований, которые должны с максимальной широтой охватить те области, которые я пока знаю не очень хорошо. Встречаются также стихи с четырьмя ударными местами, однако у меня еще нет достаточного количества бесспорных примеров в текстах, которые не оставляли бы никаких сомнений в том, что употребление и написание таких стихов не является результатом ошибки. Стихи с четырьмя ударными местами были исключительно редки; наряду с “одноударными” стихами они должны были, конечно, четко выделяться из своего окружения и замыкаться в себе таким образом, что их нельзя было расчленивать.

Число “понижений” между двумя ударными местами (т.е. безударных слогов в одном колоне) в принципе не упорядочено. Однако имеются тексты, в которых такое упорядочение, позволяющее уловить настоящий ритм, может быть прослежено; тем не менее, это средство применялось так же факультативно, как рифма или аллитерация.

Единства более высокого уровня формируются посредством такого ступенчатого выстраивания [Staffelung], при котором составные элементы стихов повторяются с соответствующими изменениями: группы стихов состоят, как правило, из двух или трех стихов, которые, в свою очередь, представляют собой относительное смысловое единство;

---

⁷⁸ Опубликовано в трудах конгресса: Труды XXV международного конгресса востоковедов. Т. 1. М., 1962. С. 161–166.

⁷⁹ К сожалению, здесь нельзя избежать повторения того, что было опубликовано в MDIK 19. Данный очерк в широко распространенном немецком египтологическом журнале должен быть понятен и без помощи статьи, появившейся в MDIK почти одновременно с ним.

это единство проявляется как на уровне смысловых взаимосвязей внутри отдельной группы стихов, так и в ее отношении к другим группам в тех текстах, которые состоят более, чем из одной группы стихов. Метрические средства нередко применяются для подчеркивания единства стихотворных групп, — например, каждая группа стихов демонстрирует определенное чередование числа ударных мест в ее стихах, — но они лишь факультативны.

В текстах, которые достаточно длинны, несколько групп стихов образуют единства более высокого порядка, которые мы называем “строфами”. Здесь также существуют содержательные и формальные средства, превращающие их в единое целое. Содержательные средства здесь в основном те же, что используются в рамках стихотворных групп. В качестве излюбленного формального средства выступает — помимо упорядоченности числа ударных мест в отдельных стихах — прежде всего внутреннее членение стихотворных групп. Группы, состоящие из трех стихов, почти систематически делятся таким образом, что два стиха в них составляют тесное единство и оба соотносятся с третьим стихом (по схеме 1 + 2 или 2 + 1). С помощью различных манипуляций это внутреннее членение может связывать между собой отдельные группы стихов и осознаваться как единство с формальной точки зрения; в текстах, состоящих из двух стихотворных групп, прежде всего используется инверсия (1 + 2, 2 + 1, или 2 + 1, 1 + 2); там, где стихотворных групп больше, имеется больше возможностей.

Этот способ построения теперь может быть продолжен до уровня еще более сложных единств; мы можем говорить о “песнях”, “главах” и “частях”. Чем дальше продвигается ступенчатое выстраивание, тем сложнее становится техника членения. Различные принципы членения могут пересекаться и действовать наряду друг с другом, могут перекрывать друг друга и взаимопроникать: в предельных случаях может возникать такая композиция, которую проще всего сравнить с полифоническим музыкальным произведением.

Определенные схемы разбиения, заданные сущностью этого членения, часто повторяются:

- 1) дополнительный тип [addierende Typus], при котором равноправные части следуют друг за другом; схема: a + b + c + d (и т.д.)
- 2) центрический тип [zentrierende Typus], при котором части выстраиваются вокруг некоего центра и соответствуют друг другу сообразно тому положению, которое они занимают по отношению к центру; схема: a + b + c + b + a или a + b + c + a + b;
- 3) переменный тип [alternierende Typus], при котором соответствующие друг другу части текста чередуются; схема: a + b + a + b (и т.д.).

В одном тексте нередко сочетается несколько таких схем. Так, одна схема может быть построена на метрических соответствиях (число ударных мест в стихах), другая — на соответствиях на уровне содержания. Бывает и так, что все три схемы (и некоторые из них неоднократно, если смотреть с разных точек зрения) превращают текст в строение, обладающее — подобно Большому амарнскому гимну — такой комплексной многослойностью, которая в качестве осознанного замысла такого же уровня известна нам лишь в музыке.

Конечно, подобные построения на основе перечисленных схем, сколь часто бы они ни встречались в более простых воплощениях, носят, строго говоря, факультативный характер. Они, однако, находятся не совсем на одном уровне с прочими факультативными, хотя и очень распространенными, но все же более редкими стилистическими средствами: различного рода закономерностями в числе ударных мест, взаимно упорядоченными синонимами или смысловыми противопоставлениями, звуковыми соответствиями. Еще реже встречается амфиболия⁸⁰, и, тем более, конечная рифма и аллитерация. При всем том следует отметить, что частота и способ применения поэтических средств, по-видимому, не привязаны строго к определенным литературным жанрам, но при этом не лишены связи с типом текста и временем его появления. Сделать определенные выводы в этой области на основе обзора широкого круга текстов — задача будущего.

---

⁸⁰ Амфиболия — синтаксическая конструкция, допускающая различные истолкования (*Прим. перев.*)

Констатация того факта, что единственные непереносимые и обязательные элементы метрического членения, а именно деление стихов в соответствии с числом колонов с одной стороны, и простое объединение стихов в группы и, при необходимости, в более высокие единства — с другой, имеет исключительно простую природу, может оказаться недостаточно отчетливой. По сути, сама по себе метрика куда более проста и безыскусна, чем что-либо еще, относящееся к сфере нашего культурного сознания, ибо для нее обязательны лишь твердый ритм или такт, либо аллитерация или рифма, но в результате — и на это тоже стоит обратить внимание — с помощью этой метрики могут создаваться произведения изысканнейшей красоты и сложнейшей организации. В основе этого лежит ни что иное, как упорядоченное членение свободного потока речи, подчиненное гармонии ясных связей и соотношений. Тот, кто это себе уяснил, не будет сильно поражен широкой сферой применения египетской метрики как таковой. Конечно, я могу дать лишь предварительный ответ на вопрос об этой сфере, поскольку из огромного числа дошедших до нас текстов различного типа я, естественно, смог исследовать на предмет структуры лишь относительно небольшую часть. Следует пояснить: если бы я не сформировал для себя достаточно обширную базу на основе исследования сотен текстов, я не вынес бы на публику свои результаты, однако по отношению к общей массе источников это всего лишь жалкая часть. Насколько я могу сегодня судить, метрическую форму имели не только те тексты, которые обычно принято считать “литературными”, т.е. поучения, повести и т.п., но также и все гимны, “песни”, заупокойные тексты, молитвы, богослужебные и магические тексты, надписи различного содержания, если только они были сколько-нибудь пространными, вплоть до граффити и титулатур. Даже письма, без сомнения, имеют метрическое оформление; я пока не могу сказать, имеются ли письма, совершенно лишенные метрических форм. По сути, остается лишь совсем небольшое число неоформленных текстов. Как это следует понимать? Прояснить ситуацию может сравнение с изобразительным искусством: для каждого египтолога само собой разумеющимся является тот факт, что с тех пор, как сформировался египетский стиль, все произведения египетского искусства, в том числе и те, что мы называем прикладными поделками, вплоть до небрежных рисунков на остраконах или обыденных бытовых предметов, несут на себе отпечаток этого стиля; нигде не пропадает тенденция к упорядоченности и к ясности пропорций. То же самое происходит и в сфере языкового выражения, там, где египетская сущность самореализуется в языке. Здесь господствуют те же тенденции, что и в изобразительном искусстве, здесь также лишь посредничество строгих форм, лишь структура, вносящая ясность — ибо развивается она от наименьших элементов к более сложным, — позволяют египтянину фиксировать свои мысли и представления и проецировать их во внешний мир. Привычные нам категории “литература” и “поэзия” нельзя переносить на Египет без оглядки.

Можно надеяться, что открытие метрики и постепенная последовательная обработка текстов позволят распознать истинный облик египетской “литературы” в самом широком смысле этого понятия, однако при всем том может возникнуть еще много вопросов иного рода. Прежде всего это касается проблемы понимания внутреннего содержания текстов, ибо их форма неотделима от содержания, а формальное членение — от внутреннего. Речевой поток, разбитый на простые и на более сложные элементы, становится более постижимым, — это позволяет нам до некоторой степени исправить ошибочную пунктуацию. Возможно, подобное исправление пунктуации вкупе с реконструкцией фразового ударения в итоге также немного поспособствует разрешению некоторых синтаксических или грамматических вопросов.

В. СПИСОК ПРАВИЛ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Следует обратить внимание на три вещи: объем списка, организацию списка и временной период, в рамках которого действительны приводимые правила.

Правила, собранные в списке, охватывают не все мыслимые или встречающиеся в египетской письменности синтаксические связи, чье своеобразное воздействие на фразовое ударение заслуживает изучения в каждом конкретном случае. Если бы мы попытались свести воедино все возможные правила, список оказался бы неоправданно раздутым, а если бы вдавались в подробности и чисто теоретические рассуждения, касающиеся не совсем простых вещей, прямое назначение этого списка, состоящее в том, чтобы создать основу для понимания анализа текстов, оказалось бы размытым.

Несмотря на то, что в строгом смысле слова наш список неполон, читатель все-таки найдет в нем наиболее важные правила, описывающие все синтаксические связи, встречающиеся в разбираемых здесь текстах, и в текстах, которые были представлены в MDIK 19. Даже если то или иное важнейшее правило случайно оказалось неохваченным в двух первых статьях, оно, тем не менее, включается в данный список. Таким образом, оставшиеся лакуны не очень значительны, и метрический анализ может проводиться при помощи этого списка в широком объеме; однако именно поэтому необходимо еще раз подчеркнуть, что, во-первых, некоторые синтаксические комбинации в нем опущены и, во-вторых, внутри приводимых правил существуют ограничения, поскольку мы рассматриваем здесь не все “исключения”, отклонения и особые случаи. Составление всеобъемлющего свода правил — задача будущего, к решению которой следует приступать только тогда, когда будет осуществлено значительно больше текстуальных исследований.

Такой общий свод правил основывался бы на иных принципах, нежели наш предварительный список, структуру которого мы старались сделать как можно более простой и лингвистически совершенно непритязательной. Он построен по чисто алфавитному принципу⁸¹, и поэтому приходится мириться с тем, что столь различные грамматические понятия, как, например, “частицы” и “глагольные предложения”, внешне сведены здесь на один уровень и оказались друг рядом с другом. Та же система положена в основу списка, опубликованного в MDIK 19, который был составлен первым: выстроенные в алфавитном порядке названия рубрик (обозначенные прописными латинскими буквами) и списки правил в каждой из этих рубрик (пронумерованные арабскими цифрами). Чтобы сделать возможным сравнение и избежать путаницы, я сохраняю в приводимом здесь несколько расширенном списке прежнюю нумерацию рубрик, т.е. вместо того, чтобы менять алфавитные обозначения при появлении новых рубрик, я обозначаю новую рубрику той же буквой, что и предшествующую, но с добавлением римских цифр (условный пример: А; А I; А II; В).

Приводимые правила действительны для периода от Среднего царства вплоть до самых поздних иероглифических текстов. Метрика Старого царства в некоторых отношениях отличается (некоторые колонны еще меньше, фразовое ударение, следовательно, несколько слабее). Коптская метрика отличается очень значительно. Судить о периодах перехода сложно. В эпоху Первого переходного периода еще сохраняла силу, по крайней мере отчасти, староегипетская метрика, но временные и пространственные границы между двумя типами метрики следует установить для эпохи Первого переходного периода с большей точностью. Демотическим периодом я еще не занимался, поскольку не имею в этой области собственного мнения. Однако я с полной уверенностью могу сказать, что самые поздние

---

⁸¹ В оригинале, т.е. в соответствии с немецкими названиями разделов списка и их алфавитной последовательностью. В нашем переводе сохранен исходный порядок разделов. Алфавитная последовательность при этом, естественно, утрачена. (*Прим. перев.*)

иероглифические надписи римского времени также в основном членятся в соответствии с метрикой Среднего царства.

“Классическую” литературу отчасти следует читать в соответствии со среднеегипетскими правилами, отчасти — в той мере, в какой она восходит к Старому царству и (частично) к Первому переходному периоду, — в соответствии со староегипетской метрикой.

Еще несколько практических замечаний, относящихся к списку: объединение слов посредством дефисов обозначает здесь так же, как и в текстах, совокупность слов, составляющих один колон, например: *sw-m*-существительное (1 колон), *sdm.n.f* О. (2 колона).

В списке приняты следующие сокращения и условные обозначения: S. — субъект, О. — объект; *sdm.f* (или *sdm*) = любая форма суффиксального спряжения активного залога, *sdm.tw.f* (*sdm.tw*) = любая форма суффиксального спряжения пассивного залога (*sdm.tw.f*, *sdmw.f* и т.д.).

Цифры после примеров указывают на наличие соответствующих примеров в текстах, разбираемых в данной статье; тексты при этом имеют сквозную нумерацию, так что цифра “3” означает “третий текст из Лейденского гимна Амону”, цифра “5” — “второй текст из Источников XVIII династии (Urk. IV)”. Если в рамках одного “текста”-фрагмента исследуется фактически несколько текстов (параллельные тексты и т.п.), они учитываются в ссылках.

СПИСОК

А Наречия:

1. В абсолютном употреблении: собственный колон, будь то одно слово или составное выражение (примеры: *3s*, *wr(t)*, *mjn*, *m-mjtt*, *m-kf3*, *nfr*, *r^c-nb*, *hrw (n-h3b)*, *sf*, *grh (-sdr)*, *tnw(-rnpt)*, *dw3w*, *dt*).
2. Исключение: важно, что *jm* “там” никогда не образует собственного колона (примеры: текст 4, текст 7).
3. Исключение: если *wr*, *wr(t)* “очень” усиливает значение какого-либо прилагательного, это наречие не образует собственного колона.

В Аппозиция:

1. Как правило, каждый элемент аппозитивного словосочетания образует собственный колон; пример: *W3st nwt* “Фивы, город”.
2. Исключения: данное правило может нарушаться в крепко спаянных словосочетаниях, которые превращаются в неразрывные слитные конструкции (с редукцией ударения в первом слове); особого внимания заслуживают имена богов с аппозициями: *Jmn-nb-nswt-t3wj* (8, 2) — в противоположность *Jmn-r^c nb-nswt-t3wj* (8, 3); сочетания со словом *zh* “писец” явно неустойчивы, по большей части слово *zh* перед именем образует собственный колон (ср. 5; 9,1; 9,5). Слово “Осирис” в качестве квази-титла умершего не имеет собственного ударного места, ср. *Wsjrt*-титл + имя (9,6); причиной этого должно быть различие, проводимое между богом и умершим, ибо словосочетание “Осирис NN” с двумя ударными местами означает “Осирис и NN”.

Эти исключения могут быть собраны лишь словарным способом, из метрического контекста выводится гораздо больше подобных примеров, существующих наряду друг с другом.

3. Следует выделить как особый случай аппозицию типа “прилагательное (причастие) -*sw* + существительное” или “прилагательное (причастие)-*wj-sw* + существительное”.
4. Если в словосочетании “существительное + прилагательное (причастие)” оба элемента имеют суффиксы, такое словосочетание превращается в аппозицию; пример: *hmt.f mrrt.f* “жена его, любимая его” (5).
5. Слово *ds* “сам, собственный, сам собой” следует пока считать амбивалентным: оно способно образовывать собственный колон или быть частью колона. Возможно, за этим стоит какая-то дифференциация. Примеры: *njb-swht.f ds.f* (3), но *zn-n.k qrwtds.sn* (9, 5); здесь есть синтаксическое различие, однако на этом основании нельзя делать никаких заключений, т.к. существуют и другие примеры, гораздо менее ясные.

Выражение *hpr-ds.f* (3) следует оценивать иначе: здесь мы имеем дело со случаем типа *wsr-m³t* “могучий истиной” [“*wsr* in Beziehung auf die *Maat*”].

С Атрибутивная конструкция:

1. Существительное + прилагательное (причастие) составляет один колон (ср. примеры из коптского, приведенные выше на с. 11, прим. 49). И существительное, и прилагательное могут иметь суффиксы, но не одновременно (см. выше В, 4); пример: *rnpwt-nbt-jmt.f* (4).
2. Существительное + прилагательное (причастие) + прилагательное (причастие): если существительное имеет два определения, на такую конструкцию в целом приходится два колона.
3. Исключение: если одно из определений — слово *nb* (*nbt*, *nbw*, *nbwt*) “каждый, всякий, любой”, то тройное словосочетание составляет один колон: *rnpwt-nbt-jmt.f* (4), *jht-nbt-nfrit* (5), но если к нему добавляется еще одно определение, то оно, естественно, образует отдельный колон: *jht-nbt-nfrit w^cbt* (5). Об усилении посредством наречия *wr*, *wrt* см. А, 3.
4. Существительное + составное определение: два колона; например: имя собственное + *m³^c-hrw* (5), *wnmjt jmt-jtn.f* (1), *nn-jtj.f stj-sw* (3), *šhm št3-mswt* (3). Особенно часто встречающиеся типы составных определений: нисба от предлога + существительное (например, косвенный генитив), прилагательное (причастие) + существительное (например: *³-phtj*, *dj-^cnh*, ср. выше В, 5: *hpr-ds.f*).
5. Порядковые числительные с окончанием *-nw(t)* ведут себя как прилагательные.
6. *-jrw*, *-jrj* “относящийся к этому” (эквивалент суффиксального местоимения 3 л.) не составляет колона, примеры в текстах 9, 1–3.5. Сравни клинописное *naptera* (XIX дин.) = *naftēra для *nfrit-jrj*; Edel // JNES 7, p. 14⁸²; Fecht, Wortakzent, § 376.
7. Атрибутивные словосочетания типа “прилагательное (причастие) + предлог + существительное” и “предлог + существительное” рассматриваются в разделе “Предлоги”.

Д Вопросительные слова:

1. Они в зависимости от своего характера трактуются как существительные (“кто”, “что”) или наречия (“где”); соответственно ведут себя и составные вопросительные слова, например: *hr-jh* “почему?”

Е Генитивная конструкция:

1. Прямой генитив: один колон, ср. примеры из коптского, приведенные выше на с. 11, прим. 49 (о более древней стадии — начальном ударении — см. Fecht, Wortakzent, passim).
2. Косвенный генитив: два колона; сюда относится случай, описанный в С, 4 (составное определение).
3. Исключения к последнему правилу: как и в случае с аппозитивными конструкциями, правило может нарушаться, когда речь идет об особенно крепко спаянных словосочетаниях. Такие случаи редки и могут быть собраны лишь словарным способом; в наших текстах наиболее вероятно: *n-k3-n-* “для ка такого-то” (5; 9,1; 9,5–6). Ср. коптское *S* **ⲁⲛⲛⲓⲡⲉ** для *bj3-n-pt* (Fecht, Wortakzent, § 155 ff.), случаи типа коптского *S* **ⲁⲛⲛⲓⲡⲉ** для *ᶜt-nt-sb3* (ср. написание “истина и ложь” 5,1 и 5,2); далее, например: *ᶜt-nt-ht.k* вместо **ᶜt.k nt-ht* Urk. IV, 1396, 7. При определении метрических структур эти крайне редкие исключения создают еще меньше проблем, чем аналогичные исключения из числа аппозитивных конструкций, которые относительно часто встречаются в длинных именах богов, особенно в позднее время.
4. Количественные числительные в прямом генитиве, например: *psdt-pdwt* “девять-луков” (8).
5. Имеются многочленные конструкции, например: *nb-jrt-jht-nbt-nfrit* “господин-(жертво)приношения-вещей-всяких-хороших”.

⁸² E. Edel. Neue keilschriftliche Umschreibungen ägyptischer Namen aus den Boğazköytexten // JNES 7, 1948. P. 11–24 (Прим. перев.)

6. То же правило (Е, 1) действует, если а) в качестве первого члена прямой генитивной конструкции выступает сочетание “существительное + прилагательное”, как в случае *ḥw-ndm-mhjt*;⁸³ б) сочетание “существительное + прилагательное” в прямой генитивной конструкции выступает в качестве *nomen rectum* (имени управляемого, т.е. второго члена генитивной конструкции — *Прим. перев.*), как в случае *tp-wʒt-nfrt*; в) прилагательное выступает в качестве определения ко всей конструкции, например: *rh-njswt-mʒc* (5).
7. Если за *nomen regens* (именем управляющим, т.е. первым членом генитивной конструкции — *Прим. перев.*) следуют два или более *nomen recta*, то появляется два колона или более, например: *nb-ʒhwt jdbw nhbw* (2).
8. В состав конструкции прямого генитива может входить спрягаемая глагольная форма, т.е., фактически, предложение, например: *hrw-msjw.f* “день, в-который-он-был-рожден”.
9. К числу генитивных конструкций в более широком смысле принадлежат также сочетания прилагательного (причастия) с определенным существительным или объектом, т.е. случаи типа *nfr-hr*, *mʒc-hrw*, *dj-cnh* (пасс. прич.), *pd-ʒs* (акт. прич.). Сюда же относятся такие случаи, как *ddt-pt*, *qmʒt-tʒ*, *jnnt-hʒpj* (5). Подобно причастиям прямой объект присоединяет также форма *sdm.tj.fj*: *sdm.tj.fj-hrw*. С подобными сочетаниями, которые уже упоминались выше (С, 4, далее В, 5), следует сравнить клинописные записи типа *naf-muʿa-rīʿa “совершенный-истиной Ра”, *mai-amāna* “возлюбленный-Амоном”, коптское связанное причастие (*participium conjunctum*)⁸⁴ и др. (ср. также выше, с. 9, прим. 38).
10. Следует упомянуть еще несколько самоочевидных вещей: в качестве *nomen regens* и *rectum*, естественно, может выступать инфинитив, ср. *shpr-zʒtw.s* (1) и коптский инфинитив в *status constructus*. Простые генитивные словосочетания и многочленные конструкции могут выступать в любой из синтаксических ролей, характерных для существительных, — например, быть объектом при спрягаемой глагольной форме: *jrj.k-mrrt-kʒ.k-jm.f* (4).

Г Имена:

1. Имена собственные всегда составляют один колон, даже если в их состав входит конструкция косвенного генитива или целое предложение, например: *Ḥrw-m-ʒhwt* “Хор-на-небосклоне” (5).

Г I Слитные именные сочетания:

1. Исключительный случай представляет собой тесное слияние [Univerbierung] параллельных понятий, которые в определенном смысле способны образовывать единство (т.н. *dvandva*-композиумы⁸⁵): *pʒ-mw-tʒ* “вода-(и)-земля” (1) в значении “хаос”; выражение *ʿnh-wdʒ-snb* “жизнь-целость-здоровье” также всегда выступает как неразрывное.
2. Аналогичные словосочетания встречаются с инфинитивами: *pʒ-cq-pr* (MDIK 19, третий текст); ср. коптское SA $\psi\epsilon\epsilon\iota$ “идти-прийти” [gehen-kommen] (Crum, Copt. Dict. 547 a-b⁸⁶).

⁸³ В оригинале это правило сформулировано следующим образом: “Dasselbe gilt, wenn ein direkter Genitiv von Subst. + Adj. abhängt, also Typ *ḥw-ndm-mhjt*” (*Прим. перев.*)

⁸⁴ W. Till. *Koptische Grammatik*. Leipzig, 1955. § 80: “Египетское причастие в коптском встречается только в составных именах и поэтому называется *participium conjunctum* (связанное причастие). Оно выступает в качестве первой части составного имени; вторая часть обычно не имеет артикля и, как правило, является прямым объектом по отношению к первой части”. Г. Фехт, очевидно, рассматривает связь между причастием и существительным в коптских составных именах как генитивную. (*Прим. перев.*)

⁸⁵ Термин, заимствованный из санскритской грамматики. Обозначает словосочетания, которые образуются путем простого соположения двух или более слов без какой-либо внешне выраженной грамматической связи между ними (подразумевается сочинительная связь). Подобные конструкции встречаются во многих языках, в т.ч. и в русском: “дочки-матери”, “гуси-лебеди”. (*Прим. перев.*)

⁸⁶ W. E. Crum. *A Coptic Dictionary*. Oxford. 1939 (*Прим. перев.*)

3. Подобные словосочетания встречаются и с причастиями, однако они, как и все сочетания подобного типа, в высшей степени редки: *pʒjj-ḥnnt-nb* “взлетающий-опускающийся-всякий” = “всякая птица”.

Г Именные предложения⁸⁷:

1. Если субъект и предикат выражены существительными, простое предложение имеет два колона, а именно: существительное существительное; *jn*-существительное причастие; существительное *m*-существительное (а также *jw*-существительное *m*-существительное и т.п.); существительное-*pw*(*pʒj* и т.п.) существительное.
2. Прилагательное (причастие), выступающее в роли предиката, занимающего первую позицию в предложении, собственного колона не образует: ʕ-S “велик-S”.
3. Ситуация меняется, когда за таким прилагательным следует частица *-wj* или *-wj* + зависимое местоимение: ʕ-wj S ; ʕ-wj-sw S .
4. Указательное местоимение, которое может выступать в таких конструкциях в качестве субъекта, собственного колона не образует.
5. Независимые местоимения ряда *jn**k*, (*j*)*ntk*, занимающие первую позицию в предложении, собственного колона не образуют, например: *nts-tʒ-mtr(t)* (1), *ntf-ʕdd-n.sn* (2). Но если эти местоимения подчеркиваются удвоением, появляется два колона: *ntf ntf*-имя “он, он—имя”. Возможно, следует считаться с исключениями из вышеназванного правила в тех случаях, когда эти местоимения сильно акцентированы, но не удвоены; однако мне пока не известно ни одного несомненного случая такого рода, в то время как случаи, подтверждающие названное правило, напротив, имеются в большом количестве. Ср. также выше с. 10, прим. 47, касательно коптского.
6. Энклитические личные местоимения (= зависимые — *Прим. перев.*) ряда *wj*, *tw* всегда безударны и, следовательно, собственного колона не образуют. Это правило верно для всех типов конструкций, в т.ч.: *sw-m*-имя, прилагательное (причастие)-*sw*, *sw-ḥr-sdm*; ср. *wsr-wj-sj* (1).
7. То же самое верно для *jwʕ*: *jw.f-m*-имя, *jw.f-ḥr-sdm*; ср. *jw.j-m-ḥ-jb* (7).
8. То же самое верно для *ntj*, *jwʕj*, относительных местоимений: *ntj-m*-имя и т.д.
9. Отрицания *nn*, *bn* не образуют собственных колонов, например: *nn-jtj.f* (3), также *nn-wn-mwt.f* (3).

Н Частицы:

1. Проклитические частицы никогда не образуют собственного колона. К числу таких частиц относятся, например: *j-* “о!”, *jn-*, *jr-* (частица топикализации, частица условия), *jḥ-* (частица опатива), *mk-* “смотри”, *kʒ-* и т.д. Само собой разумеется, сочетания таких частиц с энклитиками при определенных условиях могут мыслиться как колоны, например: *mk-st* “смотри,-(вот)-это”. Равным образом возможно, что слабо ударная или просто занимающая первую позицию частица собственного колона образовывать не будет: *jr-grt-sdm.f*.
2. Неэнклитические, занимающие неначальную позицию, частицы, напротив, образуют собственный колон, например: *nn-dwt-jrt.k rsj* “нет-зла-в-отношении-тебя вообще” (9,1).

И Предлоги:

1. Простые и составные предлоги перед именами или спрягаемыми глагольными формами, естественно, собственного колона не образуют. Но они, за небольшими исключениями (см. выше Г, 6, 7, 8), вводят обычно новый колон (дополнительно об исключениях см. ниже 15 и 6).

---

⁸⁷ Автор употребляет данный термин в расширенном значении: под “именами” здесь подразумеваются все части речи, изменяющиеся по родам и числам, кроме личных местоимений, а “именными предложениями” считаются все типы неглагольных предложений, вне зависимости от типа предиката. (*Прим. перев.*)

2. Поскольку сложные предлоги представляют собой сочетание “простой предлог + существительное”, комбинация таких предлогов с существительными представляет собой многочленную конструкцию. Как и любая другая многочленная конструкция, она может разрываться косвенным генитивом, в таких случаях образуется цепочка предлог + существительное + косвенный генитив.
3. Простые предлоги с суффиксами никогда не образуют собственного колона, например: *-jm* (1; 4), *-hn* (3; 9,6), *-n* (2; 6).
4. Сложные предлоги, состоящие из сочетания простого предлога с существительным, напротив, образуют собственный колон, когда при них имеется суффикс, например: *m* (2), *hr-h3t* (3).
5. Большую проблему представляют собой следующие сочетания: причастие + предлог + существительное, прилагательное + предлог + существительное, существительное + предлог + существительное, т.е. случаи типа *šw m-b3gj* (9,1). Когда такие словосочетания выступают в качестве определения (например, *Jmn hpr-m-h3t*, текст 3), они, несомненно, образуют вместе с определяемым существительным два колона, причем не важно, как именно они распределяются: *Jmn-hpr m-h3t* или *Jmn hpr-m-h3t*. Трудности возникают, когда такие словосочетания употребляются самостоятельно, если, например, к существительному в качестве определения присоединяется предлог + существительное. Изначально такие комбинации должны были образовывать два колона, но словосочетания типа *rmjw hr-jtrw* “рыбы в-реке” явно бывают как с одним, так и с двумя колонами, и то же самое верно для аналогичных конструкций с прилагательным или причастием на первой позиции. Я полагаю, что нашел путь к решению этой проблемы, однако с его изложением следует повременить до тех пор, пока материал не будет проработан лучше, чем то сделано на данный момент. Пока такие конструкции следует рассматривать как амбивалентные, и не исключено, что таковыми они и останутся. Особый случай представляет собой выражение *r-dr.f* “весь, целый”, которое также пока следует оценивать как амбивалентное; здесь мы имеем дело с превращением предложного словосочетания в прилагательное (ср. коптское *tnp* с утратой *r-*). Оно может составлять как один колон: *t3-r-dr.f* (2), так и два: *m-t3 r-dr.f* (6).
6. Составной предлог *wpw-hr-* (*wpw-r-*), хотя и отличается структурно от большинства составных предлогов и союзов, тем не менее тоже никогда не образует собственного колона.

К Местоимения:

1. Указательные местоимения: проклитические и энклитические местоимения, как и артикли собственного колона, естественно, не образуют. Определенный артикль множественного числа *n3-n-* подчиняется общему правилу, хотя грамматически представляет собой конструкцию косвенного генитива. Когда местоимение выступает в качестве существительного, в силу вступают правила, определяющие поведение существительных, но здесь следует учитывать исключения, действующие в именных предложениях (см. выше G, 4). Притяжательный артикль *p3.j-* и т.д. является проклитикой, хотя имена присоединяются к нему аппозитивно. Само собой разумеется, все эти правила выводятся из коптского, а также на основании общих лингвистических закономерностей; об энклизии (примыкании к предшествующему слову — *Прим. перев.*) более старых указательных местоимений *pn* и т.д. см. также Fecht, Wortakzent, § 162–164, 228 f., 240–244, 406 (n. 566) (энклизия местоимений в конце концов уступает место проклитизии (примыканию к последующему слову — *Прим. перев.*) предшествующих имен⁸⁸).

⁸⁸ Надо полагать, речь идет о том, что изначально в сочетаниях “существительное + указательное местоимение” слабым, т.е. утрачивавшим ударение элементом, было местоимение, а позднее эта роль перешла к существительному. Подобное явление имеет место (на синхронном уровне) в русском языке в сочетаниях некоторых предлогов с существительными: “вызвать врача на дом” (энклизия существительного): “тьнь упала на дóm”. (проклитизия предлога). (*Прим. перев.*)

2. Личные местоимения: если местоимения ряда *jnk*, (*j*)*ntk* выступают в иных, помимо названных в п. G, 5, конструкциях, они ведут себя как существительные, например: *ntf-pw*. Энклитические местоимения ряда *wj*, *tw* всегда безударны (за исключением случаев, когда за ними следует еще одна энклитика). Об их употреблении см. выше п. G (именные предложения) и ниже п. N (глагольные предложения).
3. Относительные местоимения: *ntj*- и *jwjtj*- являются проклитиками; в качестве первого слова относительного придаточного предложения (определения) они вводят новый колон (то же самое верно для *ntt*). Если они выступают в качестве существительного, в силу вступают правила, определяющие поведение существительных. О *ntj*- и *jwjtj*- в именных предложениях см. выше G, 8.

L Редупликация:

1. Редуплицированное наречие *wr* образует только один колон.
2. См. выше G, 8: *ntj ntj*-имя.
3. Приветственная формула *jj-wj jj-wj* составляет два колона (текст 9,5). Однако *jjw-jjw* (редуплицированный статив⁸⁹) составляет только один колон (текст 9,6). Разница между ними заключается в том, что в первом случае удваивается составное выражение, а во втором — простая спрягаемая глагольная форма.

L I Относительные формы:

1. Относительные формы употребляются как определения, а также как спрягаемые глагольные формы: (*jht...*) *ᶜnht-ntr-jm* (5), *mjnw jrj.n-sn.f* (5); такие случаи соответствуют составным определениям. Но: *m-hprw-nb-mrj.n.k* “во-всяком-проявлении,-какое-ты-пожелал” (текст 9,1): здесь *mrj.n.k* ведет себя как простое определение (подобно *mrjj.f* “возлюбленный им”).
2. Особый случай представляют выражения типа *stp.n-R^c* (8,2), *jrj.n-R^c* (8,3) “избранный-(богом)Ра”, “порожденный-(богом)Ра” и т.д.
3. При присоединении дативного *-n.f* колон разбивается так же, как и в глагольных предложениях со спрягаемыми глагольными формами: *sdsr.n-n.f nb-ntrw h3b-sd* “тот,-для-кого-сделал-священным владыка-богов праздник-Сед” (текст 8,1), ср. ниже N, 6.
4. Слитная конструкция с относительной формой [Univerbierung der Relativform] — это, предположительно, *hṭp-dj-njswt* “*hṭp*, даваемый царем” (один колон вместо двух) (текст 5).

M Слитные глагольные сочетания:

1. О глагольных сочетаниях, включающих инфинитивы, см. выше F I, 2 (Слитные именные сочетания).
2. Слитным [univerbiert] является распространенное благопожелание *ᶜnh(w)-wd3(w)-snb(w)*, которое всегда составляет единство с предшествующим колоном; число ударных мест в этой формуле также всегда неизменно.

N Глагольные предложения:

1. *sdm-S.*; ср. пережитки в копском в виде status constructus t-каузативов (древнее *sdm*- перед субъектом), *S nᶜqr*- (древнее *sdm*- перед субъектом в случае глаголов качества; Crum, C. D. 239 b⁹⁰), status constructus т.н. коптских глаголов качества, например: *nᶜqr*- (древняя “геминированная *sdm.f*” перед субъектом; Fecht, Wortakzent, § 398, n. 542).
2. *sdm-S.* O.; два колона, если субъект выражен существительным.
3. *sdm.f*-O.; один колон, если субъект выражен суффиксальным местоимением, ср. пережитки в коптском — с. 10, прим. 48.
4. *sdm.tw*-существительное (логический объект); с логическим субъектом: *sdm.tw*-существительное *jn*-существительное.

⁸⁹ Автор употребляет термин Pseudopartizip. (Прим. перев.)

⁹⁰ См. прим. 86 (Прим. перев.)

5. *S. sdm.f* или *jn-S. sdm.f*; два колона, изначально экспрессивный тип предложения.
6. *sdm-n.f S.*; датив отделяет *sdm-* от субъекта (ср. выше L I, 3).
7. *sdm-sw S.*; энклитическое личное местоимение-объект отделяет *sdm-* от субъекта.
8. *sdm-sw-n.f S.*; комбинация двух вышеприведенных правил.
9. *sdm.f-n.f O.*; датив или какой-либо другой предлог отделяет *sdm.f* от ее объекта.
10. *sdm.f* предлог-существительное.
11. Две спрягаемые глагольные формы могут, однако, образовывать только один колон, если вторая является субъектом или объектом по отношению к первой. Субъект: тип *wn-sdm.f* “есть/происходит-так,-что-...”; ср. *hpr-ᶜnh.k* “случилось,-что-ты-живешь” (9,1), *hpr-wnn.k* “случилось,-что-ты-существуешь” (9,2). Объект (субъюнктив): *di.f-sdm.f*, *dd.f-sdm.f* (и другие глаголы *sentiendi et dicendi* (восприятия и говорения — *Прим. перев.*)); прямая речь присоединяется к глаголу *dd.f* (и другим) непосредственно, *dd.f* является проклитикой и в смысле фразового ударения; ср. *jw-dd.tw-nwt* (1), *dd.f-qj.f* (3), *dd.f-...* (6; 7; 9,6). Правило N, 9 здесь, естественно, тоже действует. Инфинитив или причастие от *dd* (и т.д.) соотносится с прямой речью таким же образом (ср. правило E, 8): *dd-jnk-pw* (3). Ограничение N, 9 остается в силе.
12. Названные правила действуют также в отношении инфинитива и прохибитива [Prohibitiv] (отрицательного императива).
13. Глагол *jw*, выступающий только в качестве грамматического элемента, никогда не образует собственного колона (см. правило G, 7). Коптское **nnan**, **nno** — это вторичное образование из *n-jw(n)-<r>...*
14. Статив: S.-статив, а именно: существительное-статив, *sw*-статив, *jw.f*-статив, а также *wnn.f*-статив, представляющий форму будущего времени [das Futur] для конструкции *jw.f*-статив (ср. *wnn.s-wd3.tj*, текст 1). Это правило действует также в том случае, если субъект статива выражен сочетанием “существительное + прилагательное” или “существительное + энклитическое указательное местоимение; ср. *bk3t-nbt-mn.tj* (2).
15. Если статив присоединяется к существительному или местоимению в качестве обстоятельного придаточного, он образует собственный колон; тип *gmj.n.j-Jmn jw.w* “я-нашел,-что-Амон пришел”, букв. “я-нашел-Амона, причем-он-пришедши”; ср. *jp.k-hᶜw.k tmw wd3w* “ты-проверяешь-члены-свои, (причем) они-целокупны (т.е. налицо в полном составе — *Прим. перев.*), невредимы” (текст 9,1). Ср. также коптские конструкции типа **ⲁⲩⲥⲉ ⲉⲣⲟⲥ ⲉⲥⲉⲉⲧ** (Till, Kopt. Gramm. § 417)⁹¹.
16. Отрицания, стоящие перед глаголами, являются проклитиками и потому собственных колонов не образуют.
17. Среди императивов следует обратить внимание на слитную конструкцию *m.n.k* “возьми, возьми себе” (изначально *m-n.k*); этимологически она представляет собой сочетание императива *m* и датива *n.k*, однако написание этой конструкции ясно свидетельствует о том, что она очень рано слилась в одно слово, и потому этот императив присоединяет прямой объект так, словно между ним и объектом нет никакого датива. Пример: *m.n.k-zšnw* (4).

О Вокатив:

1. Существительное-обращение, как и любое изолированное существительное, имеет собственное ударное место и, следовательно, образует один колон.

⁹¹ “Нашли, что она беременна”, букв. “они нашли ее, причем она беременна” (Мф. 1, 18; канонич. перевод: “...оказалось, что Она имеет во чреве...”). (*Прим. перев.*)

С. Тексты

Предварительные замечания

В этой статье наши намерения остаются теми же, что и в MDIK 19: мы хотим сделать доступными и ясными основы египетской метрики. Само собой разумеется, что теоретический раздел (А) и список (В) должны быть дополнены анализом текстов, позволяющим продемонстрировать, что данная теория имеет твердую опору в реальном материале и реальность никоим образом не была урезана или искажена ради теории. Выбор текстов, однако, оказался непростым делом ввиду безбрежной массы доступного материала. Важнейшими стали следующие пять принципов отбора:

- 1) должны быть представлены тексты, снабженные стихотворными точками и имеющие метрическую структуру по мнению всех, кто верит в существование египетской метрики, а также тексты, которые все, а не только принципиально недоверчивые исследователи, относят к “прозе”.
- 2) Тексты обеих групп должны происходить из одной публикации, а не вытаскиваться из разных углов и закров, поскольку в последнем случае может возникнуть подозрение, что наши метрические правила не являются общеупотребительными, а это равносильно утверждению, что они вообще недействительны. В MDIK мы чрезвычайно строго придерживались этого принципа: в качестве текстов второй группы (без стихотворных точек) приводились тексты совершенно разных времен, которые волей случая оказались собраны вместе в одном из более ранних выпусков этого журнала. В данном случае мы отдаем должное принципу единого происхождения текстов, ограничиваясь тремя “главами” лейденского гимна Амону и первой половиной первого тома “Urkunden der 18 Dynastie”.
- 3) Нам кажется правильным использовать лишь те тексты, которые сохранились практически полностью, поскольку обширные реконструкции осложняют наши рассуждения ненужными проблемами. Естественно, допустимо использование целостных отрывков из обширных, более или менее однородных (но в некоторых местах поврежденных) текстов, при условии, что эти отрывки явно могут рассматриваться как изолированные фрагменты.
- 4) Из экономии места нам пришлось воздержаться от рассмотрения обширных — и, как правило, всегда сложных по своей структуре — текстов: с одной стороны, следовало проанализировать как можно больше различных примеров, с другой стороны, тексты должны были быть не слишком краткими и иметь определенный смысл.
- 5) Наконец, было бы неправильно вводить тексты, язык которых представляет серьезные трудности, поскольку смысл таких текстов неясен, и правильность перевода может быть поставлена под сомнение.

I. Первая группа: три “главы” из лейденского гимна Амону

Большой гимн Амону из Лейдена (Pap. Leiden I 350) не относится к числу простейших текстов. Кроме того, он, к сожалению, не очень хорошо сохранился, содержит ошибки, и местами его прочтение затруднено или даже невозможно. Если бы мы занялись анализом самых трудных с филологической точки зрения или фрагментарно сохранившихся “глав” (= отдельных гимнов), это противоречило бы поставленной задаче и приведенным выше принципам отбора текстов. Однако, с другой стороны, трудностей не следует полностью избегать, иначе в результате мы получим неверную картину, в которой окажутся сглажены преграды и проблемы. Прежде всего, не должно сложиться впечатление, что стихотворные точки повсюду расставлены правильно. Потому мы избрали средний путь. “Главы”, которые мы будем анализировать, хорошо сохранились и не являются самыми сложными с точки зрения языка и содержания, хотя местами они достаточно трудны.

В целом мы придерживаемся последней обширной редакции текста, выполненной Яном Занде (J. Zandee. *De Hymnen aan Amon van Papyrus Leiden I 350* (= *Oudheidkundige Mededelingen uit het Rijksmuseum van Oudheden te Leiden*, N. R. XXVIII, 1947)); отклоняющиеся от нее версии прежних редакций, предложенных А. Эрманом и [сэром] Аланом Гардинером, Занде, к сожалению, практически не учитывает. Обсуждения филологических проблем мы будем по возможности избегать. Вместо этого мы постараемся сосредоточить внимание на структуре гимнов, а также — в определенной мере — на их стиле; однако мы не будем проводить всесторонний анализ стилистических элементов в наших текстах, поскольку это заняло бы слишком много места.

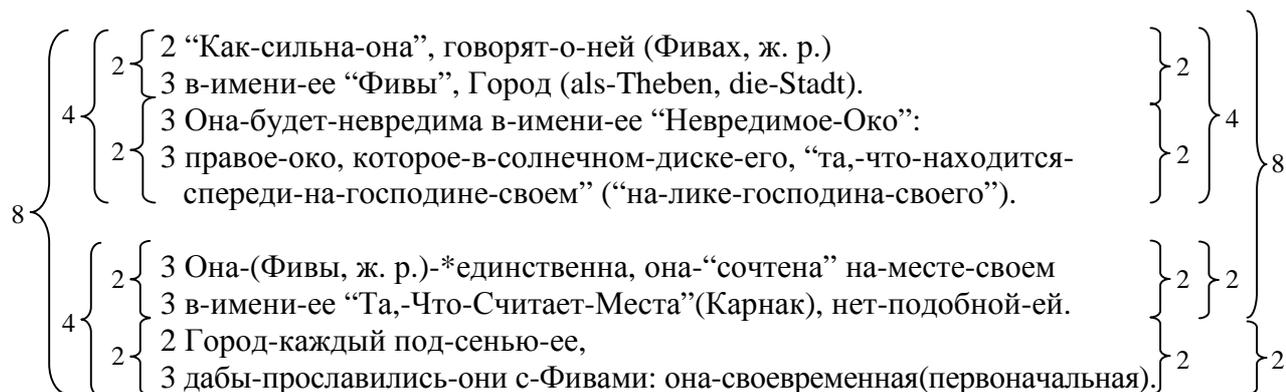
В отношении стихотворных точек необходимо высказать следующие основные соображения: с середины “главы” 500, т.е. в предпоследней колонке папируса, эти точки, как известно, исчезают одновременно с названиями “глав”, для которых, тем не менее, оставлено достаточно места. То, что “точки в последнюю очередь” расставлялись в рукописях, установил уже Эрман (*Schülerhandschriften*, S. 10)⁹², несмотря на то, что связанные с этим посылки и выводы в его работе можно считать устаревшими. Для нас важно, что незаконченное состояние папируса свидетельствует по меньшей мере о том, что в наших руках находится не репрезентативная, т.е. своего рода “официальная” копия. Потому нельзя ожидать, что расстановка стихотворных точек в ней будет безупречна. Проанализировав три “главы”, мы увидим, что писец, или другое лицо, ответственное за расстановку стихотворных точек, в целом справлялся со своей задачей, пока он имел дело со стихотворными группами, состоявшими из двух стихов. Понятно, что в столь сложных по содержанию текстах встречаются и группы в три стиха, которые в соответствии со сказанным выше (с. 20) имеют внутреннюю структуру 2+1 или 1+2. Эти трехстишия, общее число которых меньше, чем двустиший, писец не распознавал; он был настроен на двойные стихотворные группы и переделывал тройные под них. При этом ему кстати пришлось то обстоятельство, что оба тесно спаянных между собой стиха в трехстишиях нередко связаны строгим параллелизмом; эти особенно тесно спаянные стихи он рассматривал как один стих, либо приписывая ему четыре ударных места, либо неверно интерпретируя тип предложения, встречающегося в этом тексте относительно часто.⁹³ Однако, следует, по-видимому, принимать во внимание то, что, с одной стороны, именно этот тип (А т-В) в данном тексте встречается и в качестве единого стиха (т.е. с двумя интонационными подъемами), отмеченного стихотворными точками и, с другой стороны, что стремление переделать трехстишия в двустишия исказило метрическую структуру и других типов предложений. Далее встречаются, хотя и намного реже, трехстишия, переделанные в два двустишия. Чтобы проиллюстрировать тот факт, что писец допускал совсем грубые ошибки, приведем особенно яркий пример, взятый не из рассматриваемых здесь “глав”: в “главе” 300 (IV, 22) перечисление *W3st Jwnw Hwt-k3-Pth r-dt* · “Фивы, Гелиополь, Мемфис в-вечности” оформлено как один стих, хотя четыре интонационных подъема, разумеется, следует разделить на два стиха “Фивы, Гелиополь / Мемфис в-вечности”⁹⁴. Тесная связь двух городов, Фив и Гелиополя, очевидна, поскольку богом Фив был Амон-Ра и Фивы считались верхнеегипетским Гелиополем, так что эти два города могли представлять Верхний и Нижний Египет. Доказательство того, что именно в этом и заключался замысел составителя гимна, наглядно присутствует в самом гимне: в “главах” 30 и 800 выражение “Фивы и Гелиополь” означает собственно земной мир (в отличие от “небес” и “преисподней”); Мемфис при этом не упоминается.

⁹² A. Erman. *Die ägyptischen Schülerhandschriften*. Berlin, 1925. (APAW: philos.-hist. Kl. 1925, Nr. 2) (*Прим. перев.*)

⁹³ Речь идет о типе А т(и т.д.)-В “А в(и т.д.)-В” или “А есть-В”; поскольку тип *rmjw(-)hr-jtrw* “рыбы(-)в-реке”, по-видимому, был амбивалентным (см. выше в списке: I, 5), он мог влиять и на тождественный ему внешне тип предложения *rmjw hr-jtrw* “рыбы находятся-в-реке”, порождая неуверенность в его оценке.

⁹⁴ Следующее непосредственно за ним *h3b.tw m-pt sdm.tw m-Jwnw* не лучше; здесь вновь неправильно понято трехстишие. В первой части “главы” 300 писец был очень невнимателен.

Перевод Zandee (примечания опущены):

Tiende Hoofdstuk. Thebe is juist (?) dan jederer (andere) stad. Het water en het land waren er in in den beginne. Hetz and kwam tot het akkerland, om haar aardboden te doen ontstaan op de oerheuvel, toen de aarde ontstond. Het geschiedde, det de aandacht op haat viel (?), om iedere stad te grondvesten op haar ware naam. Men zegt “stad” met betrekking tot hen onder toezicht ven Thebem het oog van Re. Hare majesteit keerde terug als het heerlijke *Wd3.t*-oog, om het land samen te knopen (= te scheppen) door haar, tezamme met de ka, terwijl zij rust en zich neergelaten heeft in Ašeru, in haar gedaante van Sachmet, de heerseres der twee landen. Hoe sterk is zij, zegt men met betrekking tot haar, in haar nam Thebe. De stad zal voorspoedig zijn in haar naam *Wd3.t Wnm.t* van hem, din in zijn schijf is. *Hft-hr-nb.s* (Die voor haar heer is) is verschenen en geteld op haar plaats in haar naam *Ipt-swt*, wier gelijke niet bestaat. Iedere stad i sonder haar schaduw, om zich groot te maken door thebe. Zij is de juiste.⁹⁵

Комментарий:

По содержанию текст практически непонятен для не-египтологов. Чтобы сделать его содержание доступным для читателя, не располагающего специальными знаниями, но интересующегося историей литературы, ниже (в разделе “О метрике и структуре текста”) отдельные строфы будут прокомментированы.

а) О тексте:

Первая строфа: *mtr* в стихе 1 и стихе 4 последней, (пятой) строфы может, по моему мнению, означать как “истинный, точный, подходящий”, так и “своевременный”. Первое значение является более известным значением слова, которое, по-видимому правильное читать *mtj* (Wb. II, 173; Gardiner. Eg. Gramm. P. 465, D 50 n. 2). Другой перевод Моренц (*Ägyptische Religion*, S. 46)⁹⁶ недавно позаимствовал у Кееса (*Lesebuch*, S. 3)⁹⁷ (“ранее существовавшая, чем что-л.”). Я придерживаюсь того мнения, что *mtr* означает “(быть) существующим в настоящее время”, “делать существующим, объявлять существующим в настоящее время” — производное от *tr* “время, подходящий момент времени” (E. Otto. *Altäg. Zeitvorstellungen und Zeitbegriffe*, Die Welt als Geschichte, 14, 1954. S. 136 f.⁹⁸; S. Morenz. *Äg. Rel.*, S. 80 ff.) с префиксом *m-*; изначально это *tr*, как и подобные ему понятия *h3w* и *rk* вполне могло иметь и пространственное значение. Этим объясняется тот факт, что *mtr* может означать как “быть существующим, присутствующим”, (изначально “в определенном месте”), так и “быть своевременным” (изначально “в определенное время”).

⁹⁵ Десятая глава. Фивы вернее, чем любой город. Вода и суша были в начале. Песок пришел к пашне, чтобы создать ее (т.е. Фив) грунт на первохолме, когда создавалась земля. Случилось (так, что) внимание обратилось (?) к ней, чтобы каждый город основать с именем ее истинным. Говорят “город” по отношению к ней, под надзором Фив, ока Ра. Ее величество возвратилась как прекрасное *Wd3.t*-око, чтобы соединить (= сотворить) землю через нее, вместе с ка, в то время как она отдыхает, и спустилась в Еšra, в ее образе Сахмет, повелительницы обеих стран. Как сильна она, говорят о ней, в имени ее Фивы. Город будет процветать в имени ее *Wd3.t Wnm.t* его, который в своем диске. *Hft-hr-nb.s* (Тот, кто ее господин) появился и сочен в ее месте в имени ее *Ipt-swt*, которой нет равной. Каждый город в тени ее, чтобы возвеличить себя через Фивы. Она верная. (Зд. и далее перевод с голландского Марии Флоры и Жаннет Лаар).

⁹⁶ S. Morenz. *Ägyptische Religion*, Stuttgart, W. Kohlhammer Verlag, 1960. (Прим. перев.)

⁹⁷ H. Kees. *Aegypten*. 2., erw. Aufl. Tübingen, 1928 (Religionsgeschichtliches Lesebuch, 10). (Прим. перев.)

⁹⁸ E. Otto. *Altägyptische Zeitvorstellungen und Zeitbegriffe / Die Welt als Geschichte*. Stuttgart, W. Kohlhammer Verlag, 14, 1954. Heft 3/4. S. 135–148. (Прим. перев.)

К нашему контексту подходят оба варианта: Фивы, как место изначального холма, место творения, древнее, “своевременнее”, чем другие города. Однако поскольку они могли называться просто *nwt*, “Город” (*urbs*), то и как образец города они были “точнее, вернее, первоначальнее” (= *mtj*) других. Поскольку в данной, десятой “главе” большую роль играют игра слов и амфиболии⁹⁹, вполне вероятно, что подразумевались оба смысла одновременно (амфиболия).

В стихе 3 бросается в глаза, что слово *šj* “песок” (написано *š^ct*) близко по звучанию к слову *š^c* “отделять” (*r-*) (*Wb. IV*, 417, 13). Если выражение *p³-mw-t³* “вода и суша”, как справедливо предполагает Занде (*S. 26*), означает хаос, в котором вода и суша были не разделены, то логично считать, что в “песке”, сыгравшем известную роль в сотворении мира, здесь усматривался намек на “разделение”. Весь стих может амфиболически интерпретироваться таким образом: “пришло-разделение для-того,-чтобы-отмерить-пашни” (или: “для-измеренных-полей(*hnbw*)-пашен)¹⁰⁰.

Вторая строфа: стих 1 является определяющим. Гардинер понял его так: якобы “в ней (*jm.s*, в Фивах) возникли люди” (*hrw* в значении “люди”), которые потом основали другие города; той же точки зрения придерживается Уилсон (*ANET*, p. 8)¹⁰¹, который, тем не менее, отмечает курсивом свою неуверенность, Моренц (*Äg. Rel.*, S. 46) также использует этот перевод. Помимо того, что такой перевод не устраняет языковых трудностей, у меня большие сомнения вызывает то, что речь о возникновении людей может идти без упоминания бога-творца, кроме того, следовало бы ожидать обычно принятого упоминания о сотворении животных и растений. Этот отрывок посвящен доказательству превосходства названия “Город”. В первой строфе ему предшествует описание возникновения Фив как изначального холма. Поэтому в начале второй строфы в первую очередь следовало бы ожидать упоминания о появлении названия города Фив. Элементарная гаплография¹⁰² может превратить первое слово из “после того как возникло имя” в . Разумеется после *tn* не хватает детерминатива , но этот детерминатив не является обязательным, и мы не знаем, был ли он употреблен в более древнем источнике. Занде пытается перевести текст так, как он написан. Против этого можно, однако, привести еще одно возражение, а именно, что в этом случае переход от возникновения Фив к называнию (то есть сотворению) других городов совершается слишком резко; сначала ведь должно было появиться название Фив. В заключение следует отметить, что и в интерпретации Гардинера, и в интерпретации Занде в стихе мог быть только один интонационный подъем; но как раз в этом месте, где стихи отделяются друг от друга с такой простотой и четкостью, совершенно невозможно предположить, что стихотворные точки оказались сдвинуты, а то, что здесь имело место только одно интонационное выделение, совершенно нелогично и неправдоподобно. Странным остается употребление *jm.s* вместо *hr.s* или *r.s*; Занде также указывает на эту трудность, которая, однако, вряд ли может опровергнуть наше толкование.

Третья строфа: Суффикс *-s* после *k³* в строке 2 был восстановлен Гардинером. По содержанию второй стих многозначен. В стихе 3 для слова *jšrw* (“Ашеру”) дана вокализация, которую это название получает по личным именам, написанным греческим

⁹⁹ См. прим. 80 (*Прим. перев.*)

¹⁰⁰ Естественно это только предположение, но именно в этом тексте предположение с амфиболиями очень вероятно. Мы указываем на этот вопрос из-за важного историко-религиозного значения, которое может иметь это предположение. О “разделении” творца см. Morenz, *Äg. Rel.*, S. 182 f. (речь идет, однако, только о разделении небес и земли). Приходится задаваться вопросом, не была ли роль “песка” в космогонии Гелиополиса — если не принимать во внимание образа появляющейся из Нила песчаной отмели — также определена созвучием *šj* (**š^cš^c-j*) “песка” и *š^c* — “разделения”; *š^c-j* могло на слух быть практически идентично совершенному причастию *š^cj* “отделенное” (см. Fecht, *Wortakzent und Silbenstruktur*, § 68, Anm.122).

¹⁰¹ J. A. Wilson // *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament*. Ed. by J. B. Pritchard. Princeton, N. J., 1950; 2. ed., corr. and enlarged. Princeton, N. J., 1955. (*Прим. перев.*)

¹⁰² Ошибочный пропуск на письме одного или двух рядом стоящих одинаковых слогов. (*Прим. перев.*)

последних стихах (3–4), та же мысль заключена и в названии *jpt-swt* с дополнением *nn-snnw.s*: “Та, что считает места” (то есть “властвует, контролирует”, причем не важно, являлось ли это значение названия “государственного храма” Карнака¹⁰⁷ исходным), “нет второй (= подобной) ей”. Учитывая все это, а также совершенно исключительную схожесть знаков $\curvearrowright$ и $\curvearrowleft$ в иератике этого времени¹⁰⁸, исправление *h^cj.tj* на *w^cj.tj* “она единственная” кажется более обоснованным, чем сохранение написания, дошедшего в этом, и в других местах “сложного и поврежденного текста”.¹⁰⁹

б) О метрике и структуре текста:

Все стихотворные точки, за исключением одной, расставлены правильно, что несомненно, ввиду сказанного выше, связано с тем обстоятельством, что в этом отрывке встречаются только группы из двух стихов. Единственная ошибка сделана в стихах 2/3 четвертой строфы, где разделительный знак, который должен был стоять после *nwt* “Город”, сдвинут на одно слово и поставлен после *wnn.s* “она будет”. Причину этой ошибки писца, возможно, следует искать в том обстоятельстве, что все прочие стативы или группы стативов встречаются в начале стихов или стихотворных групп (строфа 3, стих 3: *htp.tj*, *hnj.tj*, строфа 5, стих 1: **w^cj.tj jp.tj*). Своей ошибочной разметкой писец поместил в начало стиха и *wd3.tj*; причем то, что во второй строке четвертой строфы получилось 4 ударных места, по-видимому, обеспокоило его не более, чем в других местах гимна, где он не обращал внимания на этот нюанс, превращая трехстишия в двустишия.

Структура текста кажется простой. Двадцать стихов объединены в пять строф по 4 стиха (2 двустишия) таким образом, что получается практически центрическая композиция; наряду с ней обнаруживается, однако, более сложная сквозная дополнительная система.

В первой строфе Фивы прославляются как место “первого раза” (возникновения мира). Первая группа стихов устанавливает приоритет и задает исходную точку: “вода и суша” были в Фивах. Метрически интересно использование артикля только перед *mw*, “вода”; в целом это выражение, несомненно, является каким-то видом слитного словосочетания (по индо-европейской терминологии — *dvandva*-комpositum¹¹⁰ или сочинительное словосочетание [copulatives Kompositum], как, например, древне-индийское *artha-dharmāu*, “польза-и-право” или древнегреческое $\nu\chi\theta\acute{\eta}\mu\epsilon\rho\nu$ (“ночь-день” — *Прим. перев.*). Второе двустишие повествует о возникновении Фив как “изначального холма”. “Песок” появляется из хаоса, первобытных вод, и образует поля и участок города.

Вторая строфа продолжает космогоническую тему. Теперь речь идет о других городах, о возникновении которых по сути ничего не говорится. “Основание”, кажется, зиждется только на назывании имени, т.е. творении словом. Приоритет Фив доказывается тем, что Фивы в Новом Царстве могли называться просто “Городом” (как таковым). Это считается *rn-m3^c*, “истинным именем” Фив, и оно якобы было перенесено с Фив на другие города. В первом двустишии формулируется намерение, план, во втором — его осуществление. В конце последнего, четвертого стиха Фивы внезапно отождествляются с “оком Ра”, бога солнца. Это отождествление, разумеется, дополнительно обосновывает гегемонию Фив, но с другой стороны, оно само требует обоснования, которое и дается в следующей строфе.

¹⁰⁷ Об этой интерпретации см. *jpt-3wj m-rn.s n-jpt-swt hftt-hr.k* (XVIII дин.), процитированном в: E. Otto. Topographie des thebanischen Gaaues. S.18 по U. Bouriant // Rec. Tr., 9, 1887. P. 98.

¹⁰⁸ Möller, Hieratische Paläographie. II, 307 и 461, ср. примеры из “Пентаура”, которые хронологически ближе всего и, согласно Мёллеру (S.11), могут иметь фиванское происхождение. Разница при быстром письме состоит только в дополнительных верхних дугах для *h^c*, которые легко могут остаться незамеченными. Детерминатив “папирусный свиток”, вероятно, проставлен после прочтения; такое случается часто.

¹⁰⁹ Так у Эрмана: A. Erman. Der leidener Amonshymnus. SPAW, Phil-hist. Kl. Berlin, 1923. XI. S. 62.

¹¹⁰ См. прим. 85 (*Прим. перев.*)

Третья строфа использует сказание о возвращающемся солнечном оке, властвующем над Египтом. В первом двустишии сообщается о возвращении ока, “его величии” и его цели — соединении “со страной” (= с Египтом); *t3z* “связывать”, может также означать “управлять, властвовать”, и в этом случае *jm.s* следует переводить как “с собой”, что, впрочем, кажется весьма маловероятным. Ка солнечного ока, очевидно, является сам Амон-Ра, отец солнечного ока и его супруг, поскольку око — это Мут.¹¹¹ Во втором двустишии следует конкретное указание на то, как, где и в каком образе солнечное око поселилось в Фивах: в храме Мут Еšra (“Ашеру”), которая сама считалась ипостасью богини-львицы Сахмет и, соответственно, змеей-уреем и солнечным оком¹¹²; в качестве солнечного ока Мут-Сахмет является “госпожой обеих земель”. Возможно, существовали и другие виды рассуждений, приводившие к отождествлению солнечного ока с Фивами. Столь важное здесь слово *nwt*, “город” (древнеевр. נִי) по звучанию тождественно *Nwt* “богиня неба, небо”¹¹³; небо же является местоположением солнца и, соответственно, солнечного ока.

Четвертая строфа истолковывает названия города Фивы и расположенной на противоположном берегу его западной части с помощью “игры слов” и амфиболии. Первое двустишие исходит из названия города *W3st*, которое тогда звучало примерно как **w3sa*¹¹⁴, на него намекает *wsr-wj-sj*, “могущественны (или “богаты”) они”, что звучало примерно как *wasw3sa.¹¹⁵ Второе двустишие возвращается к отождествлению с божественным оком. В первом стихе из *w3.t* “невредимое око” (изначально — левое око), с которым отождествляется восточная часть Фив, где находится святилище Сахмет, “Невредимого Ока”, очень тонко выводится *wnn.s-w3.tj* “она будет невредима”; во втором стихе изложенным выше способом западная часть Фив отождествляется с правым оком через ее имя “та, что напротив господина своего” (теперь перетолкованное как “та, что спереди на господине своем”). Оба двустишия в этой строфе дополняют друг друга постольку, поскольку они, во-первых, относятся к настоящему (первое двустишие) и к будущему (второе двустишие), и поскольку первое двустишие исходит собственно из названия города *W3st*, а второе подчеркивает отождествление с оком; это сопоставление в то же время соответствует упоминанию Фив в последнем стихе второй строфы, где непосредственно перед появлением мотива ока фигурируют обе темы: “Фивы (*W3st*), око Ра”.

Пятая и последняя строфа снова возвращается к мысли о главенстве Фив. Первое утверждение: **w3j.tj* “она единственна”, возможно, снова должно указывать на отождествление с солнечным оком, которое также называется *w3.t*, “единственным (оком)” (*Wb. I, 278, 5*). Как утверждение фраза “она единственна”, разумеется, относится к Фивам; ей соответствует выражение “она не имеет себе подобных” в конце второго стиха. Вторая часть первого стиха первого двустишия и первая часть второго стиха истолковывают название Карнака “та, что считает места” в смысле претензий на власть (см. выше, с. 36); в игре слов этому соответствует “та, что сочтена в своих местах”, что, по-видимому должно указывать

¹¹¹ Его отец Амон-(Ра) является его ка, подобно тому, как первому поколению богов был передан ка их творца и отца, пра-божества Атона.

¹¹² См., например: E. Otto, *Topographie des thebanischen Gaus*. S. 38 f; H. Bonnet. *Reallexikon der ägyptischen Religionsgeschichte*. Berlin, 1952. 491 ff; pLansing 13b, 7.

¹¹³ H. Schäfer. *Ägyptische Worte bei Diodor // ZÄS*, 41, 1914. S.140 f., K. Sethe. *Übersetzung und Kommentar zu den altägyptischen Pyramidentexten*. Glückstadt, Hamburg, [1935-1939]. Bd. 1–4. Komm. zu 179a; K. Sethe. *Urgeschichte und älteste Religion der Ägypter*. Leipzig, 1930. S. 57; H. Ranke. *Keilschriftliches Material zur altägyptischen Vokalisation*. Berlin, 1910. S. 52; E. Edel // Ranke, *Personennamen II*, S. 353, дополнение к 108, 20; Fecht, *Wortakzent*, § 99, Anm. 167.

¹¹⁴ E. Edel // *JNES*, 7, 1948. P. 23 справа внизу. Мне непонятно, почему Эдель, исходя из греческой транскрипции личных имен, например, *Χομοις*, безоговорочно настаивает на прочтении основной формы *w3s.et* с *3* перед ударным гласным; основная форма — либо *w33s-t > *w3s-t, либо *w33s-t*.

¹¹⁵ Fecht, *Wortakzent*, §§ 246–249; *Status constructus was-*, ср. клинописное *Wasmuaria = Wsr-m3t-r*, H. Ranke. *Keilschriftliches Material*. S. 19.

на полноценность, неповрежденность, истинность. Это первое двустишие построено по схеме перекрещивающихся соответствий: а (единственная) — б (сочтенная в своих местах) : б (та, что считает места) — а (не имеющая себе подобных). Эта схема очень популярна; в нашей “главе” часто обнаруживаются ее следы (т.е. либо соответствие а-а, либо б-б). В последнем двустишии недвусмысленно утверждается верховное положение Фив; величие других городов определяется только относительно Фив.

Структура текста, как уже говорилось выше, преимущественно центрическая. Темой первых двух строф является значение Фив: в первой строфе говорится об их приоритете, во второй — о превосходстве над другими городами, которое основывается на этом приоритете. Той же теме, значению Фив, посвящены и две последние строфы: в первой из них (т.е. четвертой) могущество и благополучие Фив в настоящем и будущем связывается с их названием, причем во втором двустишии — посредством отождествления с божественными очами; вторая (т.е. пятая) строфа вновь указывает на превосходство Фив над другими городами: в первом двустишии — посредством истолкования названия “государственного храма” в Карнаке, во втором — прямо и с повторением первой фразы первой строфы. Средняя, т.е. третья, строфа занимает особое место, поскольку только в ней сообщается о деятельности некоего божества, она дает отрывок мифа в фиванском толковании. В то же время, однако, эта центральная строфа соединяет две первые строфы с двумя последними: ее первое двустишие тематически связано со строфами 1–2, поскольку в нем сообщается о становлении, о переходе к современному состоянию: “ее величество” вернулась, чтобы совершить что-то, благодаря чему возникли условия, имеющие, согласно четвертой строфе, столь важное значение для существования Фив. Второе двустишие средней, третьей строфы связано с двумя последними строфами 4–5, поскольку в нем речь идет уже не о “доисторических” событиях, а о результате этих событий, то есть о реалиях Фив эпохи Рамессидов. Итак, структура текста такова: в центре стоит третья строфа, описывающая действия богини, внутри которых происходит переход от прошлого к настоящему. Потому остальные четыре строфы группируются так, что строфа 1 (возникновение Фив) соответствует строфе 4 (настоящее и будущее Фив), а строфа 2 — строфе 5 (превосходство Фив над всеми прочими городами). Схематически это выглядит так: (а+б)+с+(а+б) или, по количеству стихов, (4+4)+4+(4+4).

Мы указали на то, что средняя, третья строфа в своем первом двустишии демонстрирует связь с первыми двумя строфами, а во втором двустишии — с двумя последними. Также бросается в глаза, что начало первого двустишия этой средней (третьей) строфы (*jj.n-* “пришла”) буквально совпадает с началом второго двустишия первой строфы, и что второе двустишие средней строфы с упоминанием Ашеру [Ešra], храма богини Мут-Сахмет-Солнечного Ока, супруги и дочери Амона-Ра, также явно связано с первым двустишием последней строфы, в котором фигурирует храм Амона-Ра в Карнаке. Не следует забывать, что оба эти главных святилища являются единственными сооружениями в Фивах, удостоившимися упоминания. Добавим и третье: несмотря на очевидную ясность и простоту разделения строф, составитель гимна включил в него еще и словесные параллели между пятью строфами; в этом заключается стилистическое своеобразие, которое может (хотя, на мой взгляд, это необязательно) указывать на еще одну, иначе оформленную, внутреннюю систему организации текста — такие случаи известны. Эти словесные параллели таковы: конец первой строфы — начало второй строфы: *hpr* (в *hpr-t3* и *hpr.n-<rn>*), следует отметить, что глагол *hpr*, “возникать” больше в этой “главе” не встречается; конец второй строфы — начало третьей строфы: *jrt-Rc*, “Око Ра” и содержание первого стиха третьей строфы; конец третьей строфы — начало четвертой строфы: “Сахмет (“Могучая”!), Госпожа-Обеих-Земель” и “как-сильна-она” (Фивы “сильны” именно потому, что в них пребывает и с ними соединяется “Могучая”); конец четвертой — начало пятой строфы: “та,-что-находится-спереди-на-господине-своём” (= солнечное око или урей) и “она-единственна” (“Единственная” = солнечное око или урей).

Все это позволяет нам легко распознать еще один, дополнительный, принцип внутренней организации текста — принцип деления пополам. В первой части (с первой строфы до первой половины третьей строфы) говорится о становлении, предыстории, во второй (со второй половины третьей строфы до пятой строфы) — о настоящем времени. Разумеется, невозможно было создать простую дополнительную надстройку, поскольку особенностью всех “глав” лейденского гимна Амону является то, что первое и последнее слово в них всегда указывает на номер “главы”; в нашей “главе 10” это $mt(r)$, указывающее на $md(w)$ (рамессидское произношение $m\acute{u}t(a)$). Тем самым задан центрический элемент, который нельзя обойти. Вызывает восхищение то, что весьма искусно работавший составитель все-таки нашел возможность наряду с центрическим принципом ввести в свой текст еще один, дополнительный, благодаря изоляции первого и последнего двустуший в главе. Эта дополнительная система организации, в основе которой лежит центрическое построение строф, выглядит следующим образом: первое двустушие первой строфы изолировано, оно содержит мотив “своевременного” или “собственного” существования Фив и состояние *до* возникновения мира. Со второго двустушия первой строфы начинается историческое развитие, Фивы возникают как изначальный холм. Во второй строфе историческое развитие продолжается: возникают другие города по образцу и под властью Фив. Первое двустушие третьей строфы завершает тему исторического развития: Солнечное Око приходит в Фивы и объединяется с городом, тем самым сообщая ему высочайшее посвящение. По содержанию и по форме обе части строф (вторая часть первой строфы и первая часть третьей строфы) связаны друг с другом: по содержанию — так как в обеих речь идет о становлении Фив, формально — через глагол, вводящий в каждом случае историческое действие, *jj.n-* “пришла”. Во втором двустушии третьей строфы начинается вторая часть дополнительного построения, описание бытия Фив, которое следует за темой становления. Второе двустушие третьей строфы: храм Ашеру [Ešra], в котором поселилось Солнечное Око как Сахмет (и Мут). Четвертая строфа: город Фивы (третий стих: восточный берег, первый стих: западный берег) в настоящем и будущем. Первое двустушие пятой строфы: храм в Карнаке, так называемый “государственный храм” Амона-Ра, супруга и отца госпожи Ашеру, которому посвящен весь гимн; связь со вторым двустушием третьей строфы (храм Ашеру) абсолютно ясна. Итак, Фивы расположены между двумя храмами, которые выступают в качестве основы и гаранта их величия. Второе двустушие пятой строфы изолировано, оно соотносится только с первым двустушием первой строфы, поскольку содержит мотив “своевременного” или “собственного” существования Фив и тем самым выступает в системе причинно-следственных связей как заключительная, итоговая характеристика превосходства города.

Эта вторая структура очень сложна, поскольку она объединяет центрический и дополнительный принципы: центрирующим элементом является соотнесение первого и последнего двустушия всего отрывка. На принципе дополнения построена средняя часть текста. Обе половины этого дополняющего среднего отрывка в свою очередь также построены центрически (“пришла” — [в Фивы] : “пришла” — [в Фивы]; храм Ešra : храм Карнак). Итак, схема такова: $[a+(b+c+b)+(d+e+d)+a]$, или, по количеству стихов, $[2+(2+4+2)+(2+4+2)+2]$.

Изменяющееся число ударных мест в отдельных стихах, кажется, подчиняется обоим принципам построения текста. Сначала — о более очевидном, центрическом построении: две первые строфы демонстрируют единую структуру по дополнительному принципу: 2,2; 2,3 + 2,2; 2,3. Средняя строфа занимает особое место: 2,2; 3,3. Последние две строфы снова демонстрируют единую структуру, на этот раз, однако, по центрическому принципу: 2,3; 3,3 + 3,3; 2,3. Теперь — о более скрытом, дополнительном распределении с центрическими элементами: в первой половине “главы” преобладают двойные подъемы: на восемь двойных только два тройных подъема. Во второй половине преобладают тройные подъемы; на восемь тройных только два двойных подъема. Особое положение первого и последнего двустуший не учтено; в самом деле, первое двустушие относится к “предыстории”, а последнее — к “настоящему времени”.

В этом тексте часто встречается игра слов и т.п. При этом в нем очень мало лексических соответствий или регулярностей. На *jj.n*- “пришла” мы уже указывали. Интересно также, что название города *W3st* “Фивы” появляется в первом двустишии первой строфы, в последнем двустишии второй строфы, в первом двустишии четвертой строфы и в последнем двустишии пятой строфы: это еще одно указание на простое центрическое построение текста. Наконец, на него уже указывает и то, что в двустишиях до и после центральной, третьей строфы Фивы упоминаются с аппозицией: “Фивы, око Ра” и “Фивы, Город”.

Этот небольшой текст замечательно подходит для того, чтобы продемонстрировать, чем была для египтян литературная композиция [Gestaltung]. Форма была для них не облачением, а плотью мысли.

2. “Шестидесятая глава” (III, 6–14).

$$\begin{array}{l}
 10 \left\{ \begin{array}{l}
 4 \left\{ \begin{array}{l}
 2 \left\{ \begin{array}{l} 2 \text{ swj-t3-šm}^{\epsilon} \text{ mj-t3-mhj} \cdot \\ 3 \text{ jtj.f-st w}^{\epsilon} \text{w m-p3j.f-nhtw} \cdot \end{array} \right. \\
 2 \left\{ \begin{array}{l} 3 \text{ t3š.f-nhtw wn.f hr-t3} \cdot \\ 3 \text{ r-wšht-t3-r-dr.f r-q3j n-pt} \cdot \end{array} \right. \end{array} \right. \\
 2 \left\{ \begin{array}{l} 2 \left\{ \begin{array}{l} 3 \text{ dbh-ntrw hrt.sn m-}^{\epsilon} \text{.f} \cdot \\ 3 \text{ ntj-}^{\epsilon} \text{dd-n.sn snw m-jht.f} \cdot \end{array} \right. \\
 4 \left\{ \begin{array}{l} 3 \text{ nb-3hwt jdbw nhbw} \cdot \\ 2 \left\{ \begin{array}{l} 2 \text{ swj-jpw-nbt} \langle n \rangle \text{-t3j.f-dnjt} \cdot \\ 2 \text{ h3t-nwh r-km.f-phwj} \cdot \\ 2 \text{ hnb.f-t3-r-dr.f m-h3w.tj.f} \cdot \end{array} \right. \end{array} \right. \end{array} \right. \\
 5 \left\{ \begin{array}{l}
 5 \left\{ \begin{array}{l}
 2 \left\{ \begin{array}{l} 2 \text{ jrj.w-n.f p3-jhj-d3tt} (?) \cdot \\ 2 \text{ swj-p3-mh-njswt sjp-in(r)jw} \cdot \\ 3 (?) \text{ pd-šs hr-3w} (?) \text{ n} (?) \text{-z3tw} \cdot \end{array} \right. \\
 2 \left\{ \begin{array}{l} 2 \text{ sntj-t3wj hr-}^{\epsilon} \text{h}^{\epsilon} \text{w.f} \\ 2 \text{ hwwt r3w-prjtt} \cdot \end{array} \right. \end{array} \right. \\
 4 \left\{ \begin{array}{l}
 2 \left\{ \begin{array}{l} 2 \text{ nwt-nbt} \{hr\} \text{ hr-h3jbt.f} \cdot \\ 2 \text{ r-swtwt-jb.f m-mr.n.f} \cdot \end{array} \right. \\
 2 \left\{ \begin{array}{l} 2 \text{ hsj.tw-n.f m-hnw-nbt} \cdot \\ 2 \text{ bk3t-nbt-mn.tj hr-mrwt.f} \cdot \end{array} \right. \end{array} \right. \\
 4 \left\{ \begin{array}{l}
 3 \text{ }^{\epsilon} \text{th.tw-n.f hrw n-h3b} \cdot \\
 3 \text{ grh-sdr rs(w) m-nfrw-grh} \cdot \\
 2 \left\{ \begin{array}{l} 3 \text{ rn.f} \langle hr \rangle \text{-phr hr-tpw-hwt} \cdot \\ 3 \text{ swj-hsj m-grh jw.f-wh3(w)} \cdot \end{array} \right. \end{array} \right. \\
 2 \left\{ \begin{array}{l}
 2 \left\{ \begin{array}{l} 3 \text{ šzp-ntrw snw m-k3.f} \cdot \\ 2 \text{ ntr-wsr mk-swj.st} \cdot \end{array} \right. \end{array} \right. \end{array} \right.
 \end{array}
 \end{array}$$

- 10 { 4 { 2 { 2 Ему(принадлежит)-Верхний-Египет как(и)-Нижний-Египет,
3 взял-он-их, будучи-единственным, своей-силой;
2 { 3 граница-его-была-сильна, когда-был-он на-земле,
3 до-ширины-земли-всей, до-высоты неба.2 { 3 Испрашивают-боги пропитание-свое у-него,
3 именно-он-дает-им жертвенные-хлеба из-имущества-своего.4 { 3 { 2 { 3 Господин-пашен, берегов, новых-земель:
2 ему(принадлежит)-всякий-инвентарь его-кадастра,
2 начало-землемерного-шнура до-достижения-им-конца;
2 измеряет-он-землю-всю двумя-уреями(очаи)-своими.5 { 5 { 2 { 2 Исполняется-для-него церемония-основания (?),
2 ему(принадлежит)-царский-локоть, определяющий-камни,
3 (?) протянувший-шнур на-ширину (?) земли (строительного-участка);
2 { 2 основавший-обе-земли на-месте-их,
2 храмы и-святилища.4 { 2 { 2 Город-каждый под-сенью-его,
2 до(того, что)-сердце-его-исходит тем,-что-он-хотел(любил).
2 { 2 Воздают-хвалу-ему в-жилище-каждом,
2 поселение-каждое-неизменно с-любовью-его (Gen.obj., также subj.?).
10 { 4 { 3 { 3 Для-него-варят(пиво) в-день праздника.
3 Ночью-сна бодрствуют в-глубине-ночи;
2 { 3 его-имя кружит вокруг-крыш,
3 ему(принадлежит)-хвала в-ночи, (когда)она-темна.
2 { 2 { 3 Принимают-боги жертвенные-хлеба от-ка-его,
2 (ка) бога-могучего, который-защищает-их(ка).Перевод Занде:

Zestigste hoofdstuk. Hem behoort zowel het Zuidelijke als het Noordelijke land. Hij alleen heeft hen genomen door zijn kracht. Zijn grens is sterk, zolang hij op aarde was, over de breedte der gehele aarde en tot de hoogte des hemels. De goden vragen hun behoeften van hem. hij is het, die aan hen geeft offerkoeken uit zijn bezittingen. De heer der akkers, der oevers en der velden. Hem behoort iedere acte van zijn kadaster, het gehele meettouw van het begin tot het eind. Hij meet het gehele land op door zijn twee uraei. De grondvestingsceremonie wordt voor hem uitgevoerd. Hem behoort de konigsel, die de stenen afmeet, die het koord spant over... de aardbodem, die de twee landen grondvest op zijn standplaats, de heiligdommen en de tempels. Iedere stad i sonder zijn schaduw, opdat zijn hart zich vertrede op de plaats, waar hij will. Men zingt voor hem op iedere-rustplaats. Ieder domein is blijvend onder zijn liefde. Men brouwt voor hem op de dag van het feest. Terwijl de nacht slaapt, waakt men in het holst van de nacht, zijn naam gaat rond over de daken. Hem behoort het zingen in de nacht, terwijl hij donker is. De goden ontvangen offerkoeken van zijn ka, de sterke god, die de verzadiging (?) beschermt.¹¹⁶

¹¹⁶ Шестидесятая глава. Ему принадлежат и Южная и Северная страна. Он один взял их своей силой. Его граница была сильна, пока он был на земле, по ширине земли и до высоты неба. Боги просят то, что им нужно (букв. “просят свои нужды”), у него. Это он — тот, кто дает им дароприношения из своих владений. Господин пашен, берегов и полей. Ему принадлежит каждый документ в кадастре, весь измерительный шнур от начала до конца. Он измеряет всю землю своими уреями. Церемония основания исполняется для него. Ему принадлежит королевский локоть, который измеряет камни, который растягивает шнур... по земле, который укрепляет на своем месте обе страны, святилища и храмы. Каждый город в его тени, чтобы его сердце развлекалось там, где он хочет. Поют для него в каждом прибежище. Каждое поместье сохраняется его любовью. Варят для него в день праздника. Пока ночь спит, бодрствуют во мраке ночи, его имя разносится над крышами. Ему принадлежит ночное пение, пока темно. Боги получают дароприношения от его ка, сильного бога, который покровительствует изобилию.

Комментарий:

а) О тексте:

Мы выбрали эту “шестидесятую главу”, поскольку она полностью сохранилась, дает хорошее представление об ассиметрично-центрической композиции, и достаточно пространна. Мы ведь стремимся не к тому, чтобы представить особенно удачные (и потому сложные) произведения, а к тому, чтобы проиллюстрировать применение метрических правил. Значения слов и вопросы о смысле текста — это проблемы, которые мы затронем лишь вкратце; собственно филологическая разработка текста нами не предусмотрена и не может быть выполнена в рамках нашего исследования.

Первая строфа (4 стиха): $w^c(jw)$ “будучи-единственным” во втором стихе указывает, как и во многих других случаях (ср., например, III, 23), на положение бога-творца, который изначально “был единственным”; Амон-Ра здесь является богом-творцом и, по известному представлению, первым царем Египта. На это указывает и $wn.f hr-t3$ “когда-был-он на-земле” в третьем стихе.

Третья строфа (4 стиха): о $n\dot{h}b$ (стих 1) см. Gardiner, Wilbour Pap., Comm., p. 26¹¹⁷. Во втором стихе генитивный $-n$ перед $t3j.f-dnjt$ реконструирован; если мы не произведем такой реконструкции, в составе трех ударных мест ничего не изменится, но смысл и стиль пострадают: “Ему(принадлежит)-всякий-инвентарь и-ему(принадлежит)-кадастр”. $\dot{h}nb.f$ “измеряет-он” в стихе 4 несомненно следует также соотносить (по созвучию, которое порождает смысловые ассоциации) с $\dot{h}nbw$ — “солнечной баркой” (Wb. III, 113, 8) и, прежде всего, с $\dot{h}nbw$ — “солнечными лучами” (Wb. III, 113, 6–7); “измерение” уреями или очами происходит посредством солнечных лучей при движении солнца по небу. В конце этого стиха некоторые трудности вызывает $\dot{h}3w.tj.f$. Наш перевод соответствует переводу Занде; ср. новоегипетский перевод слова $\dot{h}3(w)tj$ “лик” как $n3-jr.tj$ “оба ока” (S. Schott. Die Deutung der Geheimnisse des rituals für die Abwehr des Bösen. AAW Mainz, 1954. Nr. 5. S. 69¹¹⁸).

Четвертая строфа (5 стихов): в стихе 1 сложность представляет hax $legomenon$ ¹¹⁹ (Wb. I, 117, 9: $ihj...t$ “eine Gründungszeremonie? (церемония основания)”. Занде прочитывает только $\dot{h}j\dot{h}t$ и переводит “grondvestingsceremonie”). Следует читать либо $j\dot{h}j-d3tt$ ¹²⁰ либо $j\dot{h}j-qn(t ?)$. Если написание дает достоверное указание на значение слова, то речь может идти о “торжественном обегании земельного участка ($d3tt$)”, или об “определении границ” (строительной площадки, ср. Wb. V, 50, 1–2?); какой-то ритуал подобного рода мог исполняться непосредственно после торжественного шествия к месту строительства нового храма. В стихе 3 чтение $3w n-$ очень ненадежно (так читает Занде, но в своем переводе он это прочтение не использует); так или иначе, одно ударное место здесь может отпасть, но это маловероятно. В стихе 4 $-f$ в составе $\dot{h}^c w.f$ относится, разумеется, к форме двойственного числа “обе земли”.

Пятая строфа (4 стиха): В стихе 1 — лишнее hr (в следующем стихе hr ошибочно пропущено).

Шестая строфа (4 стиха): второй стих проблематичен. Занде дает два возможных варианта перевода (помимо нашего варианта, еще: “ночь проводится в бодрствовании”). Из-за имеющегося определения времени “в-глубине-ночи” мы решили, что следует отдать

¹¹⁷ A. H. Gardiner. The Wilbour Papyrus. Published for The Brooklyn Museum At The Oxford University Press, 1948. Vol. II. Commentary. (Прим. перев.)

¹¹⁸ S. Schott. Die Deutung der Geheimnisse des rituals für die Abwehr des Bösen. Verlag der Akademie der Wissenschaften in Mainz, in Kommission bei F. Steiner Verlag GmbH, Wiesbaden, [1954]. = Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse, Jahrgang 1954. Nr. 5. (Прим. перев.)

¹¹⁹ Слово, засвидетельствованное в источниках только один раз. (Прим. перев.)

¹²⁰ Само существование слова $d3tt$ было обоснованно поставлено под сомнение. См. О. Д. Берлев. Трудовое население в эпоху Среднего царства. М., 1972. С. 235–237. (Прим. перев.)

предпочтение не вполне удовлетворительному переводу “ночь-сна”. Число ударных мест во всех случаях остается неизменным. Не исключено, что речь идет о каком-то торжестве, но о каком именно — установить невозможно; может быть, это праздник Нового года. В таком случае, следующая строфа 7, в которой говорится, что боги принимают жертвенные хлеба от ка Амона-Ра, в силу причинных связей может иметь отношение к разливу, который подчинен именно Амону (ср. “главу 600”, стихи 17–18, 21–22), поскольку Новый год и восход Сириуса во времена нашего гимна примерно совпадали. Занде (строфа III, 12, 13) выдвигает гипотезу, что речь здесь может идти о церемонии основания, которая проводится ночью из-за ориентации храма по звездам; однако это маловероятно, поскольку церемония основания, упомянутая в средней строфе 4, наводит на мысль о постоянно обновляющемся творении земли. Наиболее простой выход из положения — понимать *grh-sdr*, “ночь-сна (лежания)” как название праздника, — очевидно, не годится, и даже параллелизм с принимаемым всеми “днем праздника” в первом стихе этой строфы не свидетельствует в пользу такого решения. В стихе 3 перед *phr* отсутствует *hr*, но это едва ли может составить проблему: по смыслу здесь должна быть конструкция *hr* + инфинитив, а не статив.

Седьмая строфа (2 стиха): Последнее слово второго стиха *swj.st* (вместо *swj.sn*) может означать только “их”, дословно “его, принадлежащее им” [das Seinige, das ihnen gehört]. Возможно, следует читать только *swj*, как это делает Гардинер, в таком случае перевод будет “его” [das-Seinige].

б) О метрике и структуре текста

Здесь также все стихотворные точки, кроме одной, расставлены верно. Ошибка обнаруживается в стихе 4/5 средней (четвертой) строфы, где не хватает точки после *h^cw.f* (конец четвертого стиха). Причину этой ошибки легко установить: только эта центральная, четвертая строфа содержит нечетное количество стихов (5). Писцу не удалось здесь применить свою упрощающую систему двойных стихов, он был вынужден переделать трехстишие в двустишие. Понятно, что для объединения в один стих самыми подходящими ему показались два последних стиха этой строфы, тесно связанные между собой. Трехстишия встречаются также в третьей и шестой строфах, но там в обоих случаях им предпосланы одностишия, так что в каждой строфе получается четыре стиха, которые писцу легко было разделить на двустишия.

Членение 25 стихов не представляет трудностей. Вокруг центральной строфы, состоящей из пяти стихов, группируются строфы по 10 стихов. Последние состоят, в свою очередь, из двух подстроф в четыре и одной — в два стиха: первые четырехчастные строфы внутри десятичастных состоят из двух двустиший (2+2), вторая четырехчастная строфа в составе первой десятичастной строфы оформлена как [1+(2+1)], в составе второй — как [1+(1+2)]. В первой десятичастной строфе подстрофа из двух стихов вставлена между двумя четырехчастными подстрофами, во второй десятичастной строфе она следует после четырехчастных строф. Эта вариация привлекательна в силу того, что обе двухчастные подстрофы связаны между собой точным соответствием. Итак, структурно строфы организованы центрально; однако по содержанию они представляют собой две равные половины, разделенные промежуточной вставкой.

Первая десятичастная строфа прославляет бога, владыку мира или, по крайней мере, Египта. В первой подстрофе (4 стиха) его господство над “обеими землями” Верхнего и Нижнего Египта обосновывается тем, что он является изначальным царем: это качество, как известно, Амон-Ра унаследовал от Ра. Во второй подстрофе (2 стиха) верховная власть бога, который здесь является не только изначальным царем, как в Амарне, но и царем богов, имеет своим следствием то, что другие боги испрашивают у него и получают от него пропитание. Третья подстрофа (4 стиха) подчеркивает власть этого верховного бога над страной, и прежде всего его власть над землей, дающей пропитание: в его ведении находятся земельные участки и, стало быть, их управление и измерение. Согласно последнему стиху, он измеряет

всю страну своими уряями или очами (солнце и луна), это указывает на его удаленность от земли и сообщает завершенность всему тексту: таким образом оказывается дополнена первая подстрофа (бог на земле в изначальные времена).

Средняя строфа, состоящая из 5 стихов, прославляет бога как творца в образе царственно-божественного зодчего. В двух первых стихах он выступает — с той оговоркой, что последнее слово первого стиха не вполне ясно, — в роли царственного зодчего; то же значение могут иметь и оба последних стиха, поскольку он воздвигает (или воздвиг: временная стадия здесь не уточнена) “храмы и-святилища”, но помимо того он еще является основателем, т.е. творцом “обеих земель” Египта. Средний стих соединяет обе группы стихов, в которых говорится собственно о *z3tw*, “строительном участке” или “земле”; натягивание шнура является важнейшей частью церемонии основания и потому по праву стоит в центре строфы.

В последней десятичастной строфе речь идет о положении людей и их отношении к этому богу-творцу и богу-владыке. Первая подстрофа в 4 стиха согласуется с основным содержанием: все города находятся под его “защитой” (“тенью”), и этот факт стоит в пространственной или причинной связи с тем, что он источает “то,-что-он-хотел(любил)”. Похоже, что здесь имеется в виду ограничение сферы божественного влияния территорией Египта.¹²¹ Отношение бога, который мыслится как изначальный царь и царь богов, к людям за пределами Египта оставляется без внимания; все использованные в этой “главе” географические термины либо точно относятся к Египту, либо могут быть отнесены к нему.

Далее в первой подстрофе говорится, что этого бога воспевают во всех поселениях и эти поселения неизменны в любви (с любовью) к нему (или, возможно, в любви его: не исключено также, что имеется в виду и то и другое одновременно, см. ниже). То, что в связи с “пением” употребляется слово *hnw* “жилище”, не случайно: это указывает на сходство его звучания со словами, имеющими основу *hn*, означающую “отбивать такт”, “петь” или “музицировать” (см. Wb. III, 285, 14–286, 14; 288, 7–10). В слове *bk3t* “поселение” уже заключено значение *B ваки* (<*bék3-t); возможно, здесь следует подумать об амфиболии.¹²² Соответствие между последними словами первого и последнего стихов этой подстрофы, по-видимому, не является случайным: *hr-ḥ(3)jbt.f* “в-его-тени” и *hr-mrwt.f* “в-его-любви”. Это свидетельствует в пользу предположения, что *mrwt.f* следует понимать как Genetivus objectivus (“любовь к нему”). Далее в первой группе стихов речь идет о защите, которой бог окружает людей, а во второй — об отклике людей: хвалебных песнопениях и любви (или выплате податей из любви к нему, см. прим. 122). Во второй подстрофе в 4 стиха перечисляются действия людей в пользу бога и их радость, описываемая в образе празднества. Мы уже называли выше трудные места этого текста. Здесь следует отметить лишь один дополнительный нюанс: тот способ, которым в этих двух стихах описывается ночное песнопение, кажется отступлением от символической, обобщающей манеры египетской литературы. Трудно не уловить в них субъективного переживания, отзвуков настроения, которое, несмотря на временную удаленность, доступно даже для нашего восприятия. Достаточно сопоставить их с тем, как эмоционально бедна, холодна и строга первая подстрофа по сравнению с этим образом песнопения в ночной темноте, звучащего с крыш всего города, когда фиванцы возносят хвалу богу, так, что его имя “кружит вокруг-крыш”.¹²³ Не нужно объяснять, насколько хорошо это увязывается с тем, что нам известно

¹²¹ См. в Большом гимне Амарны: *jj.k-ḥꜥpj m-dw3t / jnj.k-sw r-mrj.k* “ты-сотворил-Нил в-преисподней, / ты-направляешь-его к-любимому-твоему” (= к Египту) (= Sandman, Texts, p. 95, 2): затем в той же строфе говорится о заботе о других странах.

¹²² В рамессидское время слова *bk3t* и *b3kt* “подать, налог, дань, продукт производства” (= *S вехе*, *B вехе*, т.е. *b-3k3t) в сочетании с *nbt* могли звучать одинаково или, по крайней мере, сходным образом. Перевод “всякая-подать-постоянна из-любви-к-нему” дает очень хороший смысл. У огромного владения Амона не было недостатка в податях, и на мысль о “податях” наводит преобладающий здесь царский аспект этого бога.

¹²³ Подчеркивание ночного празднества и единения людей с богом в глубочайшей ночи тематически может быть связано с отказом от концепции Амарны: там ночь оценивалась негативно, как время господства злых сил, которым солнце уступает место. Благодаря этому приему мог усиливаться или даже порождаться эмоциональный аспект текста, но, конечно, возможность такой трактовки не отменяет литературно-исторических фактов.

о духовной ситуации той эпохи, когда возник этот гимн: достаточно вспомнить хотя бы произведения изобразительного искусства, которые при внешнем соблюдении канонических рамок объективного, исторически сложившегося мира форм, находили способ передать индивидуальное переживание, а также тексты, относящиеся к сфере так называемого “персонального благочестия”.

В последней подстрофе, состоящей из двух стихов, тему празднества, послужившего поводом для жертвоприношения, продолжает мысль о том, что боги получают свои жертвенные хлеба от верховного бога. Последний стих возвращается к определению восплаемого бога, который защищает владения богов так же, как — на другом уровне — все города, которые “под-сенью-его”.

О структуре текста уже говорилось, что с точки зрения расположения строф она является центрической. С точки зрения содержания она состоит по сути из двух половин (две десятичастные строфы) со вставкой между ними. Последняя по своей значимости (бог-творец) достойна центрального положения и, кроме того, с точки зрения содержания она является соединительным звеном: бог-владыка, которому принадлежит все и вся (= первая десятичастная строфа), является творцом, который сотворил страну (= средняя пятичастная строфа), отсюда проистекает отношение к нему людей (= вторая десятичастная строфа). Основным центрирующим элементом с точки зрения содержания являются две подстрофы в два стиха, в которых говорится о зависимости богов от Амона-Ра. Итак, схема такова: (a+b+c)+d+(e+f+b) или, по количеству стихов: (4+2+4)+5+(4+4+2).

Количество ударных мест в стихах соответствует описанной структуре. В первой десятичастной строфе обе подстрофы по 4 стиха метрически являются “смешанными”: они состоят из стихов с двумя и тремя ударными местами, упорядоченными таким образом, что вторая подстрофа с точностью до наоборот повторяет строение первой: 2,3,3,3 : 3,2,2,2. Подстрофа в два стиха, напротив, метрически “чиста”, она состоит из двух стихов с тремя ударными местами. Во второй десятичастной строфе — обратное соотношение: метрически “чисты” обе строфы по 4 стиха. Первая состоит исключительно из стихов с двумя ударными местами, вторая — с тремя. Подстрофа в два стиха, напротив, является метрически “смешанной”. Она состоит из стихов с тремя и двумя ударными местами. Средняя подстрофа в 5 стихов занимает особое место: она состоит из стихов с двумя интонационными подъемами, за исключением одного, из-за трудностей с чтением, к сожалению, не вполне бесспорного стиха с тремя ударными местами, являющегося центральным, средним стихом этой строфы и всей “главы”.

3. “Сотая глава” (IV, 9–11).

$$\begin{array}{l}
 4 \left\{ \begin{array}{l} 2 \left\{ \begin{array}{l} 2 \text{ š}^{\text{c}}\text{-hprw m-zp-tpj} . \\ 3 \text{ jmn hpr-m-ḥ}^{\text{z}}\text{t nn-rḥ-bs.f} . \end{array} \right. \\ 2 \left\{ \begin{array}{l} 2 \text{ n}\{\text{n}\}\text{-hpr-ntr hr-ḥ}^{\text{z}}\text{t.f} . \\ 2 \text{ nn-kjj-ntr-ḥn}^{\text{c}}\text{.f dd.f-qj.f} . \end{array} \right. \end{array} \right. \\
 \\
 2 \left\{ \begin{array}{l} 2 \left\{ \begin{array}{l} 3 \text{ nn-wn-mwt.f jrj(w)-n.s-rn.f} . \\ 3 \text{ nn-jtj.f stj-sw dd-jnk-pw} . \end{array} \right. \\ \\
 \\
 4 \left\{ \begin{array}{l} 2 \left\{ \begin{array}{l} 2 \text{ nbj-swḥt.f ds.f} . \\ 3 \text{ šhm št}^{\text{z}}\text{-mswt qm}^{\text{z}}\text{-nfrw.f} . \end{array} \right. \\ 2 \left\{ \begin{array}{l} 2 \text{ ntr-ntrj hpr-ds.f} . \\ 2 \text{ hpr.n-ntrw-nbw dr-š}^{\text{c}}\text{.f-sw} . \end{array} \right. \end{array} \right.
 \end{array}$$

- 4 { 2 { 2 Начавший-возникновение в-первый-раз,
3 Амон, возникший-в-начале, не-знают-тайный-облик-его.
2 { 2 Не-возник-бог изначально-его,
2 Не-было-другого-бога-с-ним, который-назвал-бы-его-форму.
- 2 { 2 { 3 Не-было-матери-его, по-которой-было-бы-произведено имя-его,
3 Не-было-отца-его, зачавшего-его, который-сказал-бы-“Это-я!”.
- 4 { 2 { 2 Создавший-яйцо-свое сам-собой,
3 Мощь, тайная-рождением(-ями), сотворившая-зрелость(красоту)-свою.
2 { 2 Бог-божественный, возникший-сам-собой,
2 Возникли-боги-все, после-того-как-появился-он.

Перевод Zandee:

Honderdste hoofdstuk. Die begon te ontstaan in den beginne. Amon, die in de aanvang ontstond, zonder dat er iemand was, die zijn geheime gestalte kende, zonder dat er een good vóór hem ontstond, zonder dat er een andere god was tezamen met het, zodat hij zijn gestalte kon uitspreken, zonder dat zijn moeder bestond, die zijn naam maakte, zonder dat zijn vader er was, die hem verwekte, zeggende: Ik ben het. Die zelf zijn ei schiep. Macht, geheim van geboorten, die zijn schoonheid schiep. Goddelijke god, die vanzelf ontstond. Alle (andere) goden ontstonden, sedert hij met zichzelf begon.¹²⁴

Комментарий:

а) О тексте:

Мы избрали этот текст в качестве третьего и последнего примера, потому что он полностью сохранился и в нем мало труднопереводимых мест, разбор которых отнял бы у нас слишком много времени. Его перевод не требует дополнительных комментариев: после его разбора Гардинером здесь не осталось никаких серьезных проблем. По поводу стиха 4 (последний стих первой четырехчастной строфы) можно заметить, что выражение “который-назвал-бы-его форму”, несомненно, подразумевает творение словом.

б) О метрике и структуре текста

Все стихотворные точки в этом тексте расставлены верно, ведь здесь используются только двустипишия, не представлявшие трудностей для нашего писца.

Членение десяти стихов очевидно: вокруг центральной строфы в два стиха расположены две строфы по четыре стиха. Обе четырехчастные строфы образованы двумя двустипишиями, первое из которых в каждом случае обращается к теме “возникновения” бога, а второе связывает эту тему с вопросом “возникновения” других богов. Средняя строфа (2 стиха) совмещает оба эти сюжета постольку, поскольку в ней речь идет о возникновении самого Амона, а не других богов, причем исключительно через отрицание той идеи, что возникший изначально бог мог иметь мать и отца; разумеется, эти родители, определяемые как несуществующие, тоже должны были бы быть богами. Отсутствие родителей в догматическом аспекте, естественно, является важнейшим признаком изначального бога.

“Опорные слова” строф, состоящих из четырех стихов, — это *hpr* “возникать, становиться” и *ntr* “бог”. По-видимому, не случайно оба эти слова с их производными (множественное число, нисба, глагольные формы) распределены следующим образом:

¹²⁴ Состоя глава. Тот, который начал зарождаться в начале. Амон, который в начале зародился, без существования кого-либо, кто мог бы знать его тайный образ, без существования другого бога перед ним, без существования другого бога вместе с ним, который мог бы произносить его образ, без существования его матери, которая дала ему имя, без существования отца, который зачал его, говоря: “Это я”. Тот, который сам создал своё яйцо. Власть, тайна рождений, которая создала свою красоту. Божественный бог, возникший сам собой. Все (другие) боги возникли после того, как он начал с себя.

в первой четырехчастной строфе *hpr* — трижды, *ntr* — дважды, а во второй четырехчастной строфе *ntr* — трижды, *hpr* — дважды. Из других словесных параллелей следует отметить соответствие *bs(.f)*, “тайный образ” и *qj(.f)* “образ, форма, суть”, — эти слова завершают последние стихи двух первых двустиший, — а также повторение *ds(.f)* “сам собой”, которым завершаются первые стихи двух последних двустиший; при этом следует учитывать, что первым значением *ds*, как известно, является “плоть, особа”. Стало быть, членение данной “главы” таково: (a+b)+c+(a+b), по количеству стихов — (2+2)+2+(2+2).

Количество ударных мест в этой “главе” соответствует смысловому членению: средняя строфа, занимающая особое положение, составлена из двух стихов по три ударных места в каждом (3,3), оба первых двустишия в строфах из четырех стихов состоят из стиха с двумя и стиха с тремя ударными местами (2,3), а оба вторых двустишия — из двух стихов с двумя ударными местами (2,2).

На этом мы завершаем разбор отдельных “глав” лейденского гимна Амону, поскольку в рамках журнальной статьи мы можем рассмотреть лишь небольшое число примеров. Все части гимна, насколько позволяет их сохранность, с легкостью поддаются анализу продемонстрированным выше способом. По крайней мере, при не самой плохой степени сохранности, т.е. если до нас дошли и читаются примерно две трети текста, можно реконструировать структуру такой неполностью сохранившейся “главы”, а также с большей или меньшей уверенностью восстановить примерное содержание утраченных стихов. Здесь, в рамках изложения основ нашей методики, мы, разумеется, не можем этого продемонстрировать.

Лейденский гимн Амону обладает своими метрическими и стилистическими особенностями, к которым относится, например, предпочтение центрической структуры типа (a+b)+c+(a+b) и т.п. структуре типа (a+b)+c+(b+a) и т.п. Таким образом, этот гимн дает несколько одностороннее представление о возможностях египетской метрики.

1) Urk. IV (XVIII династия), 1165, 10–17 (Nr. 337, В.2): речь сына владельца гробницы *Rh-mj-r^c*, обращенная к его родителям при подношении садовых плодов (обращается к отцу).

$$7 \left\{ \begin{array}{l} 2 \left\{ \begin{array}{l} 2 \left\{ \begin{array}{l} 3 \text{ m.n.k-zšnw prjw-m-šj.k nn-}^c\text{w3.tw.k-jm} \\ 3 \text{ f3j.f-n.k hnkt-nbt rnpwt-nbt-jmt.f} \end{array} \right. \\ 3 \left\{ \begin{array}{l} 2 \text{ htp.k m-df3w.f} \\ 2 \text{ b}^c\text{hj.k m-htpwt.f} \\ 2 \text{ zm3-jb.k m-rnpwt.f} \end{array} \right. \\ 2 \left\{ \begin{array}{l} 3 \text{ sqbb.k n-šwt nt-mnw.f} \\ 3 \text{ jrj.k-mrrt-k3.k-jm.f r-nhḥ hn}^c\text{-dt} \end{array} \right. \end{array} \right.$$

$$7 \left\{ \begin{array}{l} 2 \left\{ \begin{array}{l} 2 \left\{ \begin{array}{l} 3 \text{ Возьми-себе-(цветы)лотоса, растущие-в-(садовом)пруду-твоим, не-лишишься-ты-его,} \\ 3 \text{ приносит-он-тебе все-дары, все-растения,-что-в-нем.} \end{array} \right. \\ 3 \left\{ \begin{array}{l} 2 \text{ Умиротворяешься-ты яствами-его,} \\ 2 \text{ богат}^{125}\text{-ты (жертвенными)приношениями-его,} \\ 2 \text{ объединено-сердце-твое с-растениями-его.} \end{array} \right. \\ 2 \left\{ \begin{array}{l} 3 \text{ Прохлаждаешься-ты в-тени деревьев-его,} \\ 3 \text{ делаешь-ты-любимое-ка-твоим-в-нем в-вечности и-вековечности.} \end{array} \right. \end{array} \right.$$

¹²⁵ Букв. “изобилуешь” (Прим. перев.).

Давно известно, что формула *htp-dj-njswt* еще до XVIII династии превратилась в устойчивое понятие, которое могло употребляться в качестве существительного¹³²; с этим согласуется и мой вывод о том, что она образует один колон, хотя словосочетание “*htp*, даваемый-царем” должно состоять из двух колонов. *prt-hrw* также, несомненно, давно стало неразложимым понятием, независимо от того, включало ли оно изначально предлог, и какой именно. В перечислении даров нам, по сути, безразлично, восстанавливается перед каждым из них *m-*, или нет.

Членение текста в целом и в частности проведено ясно: в первую очередь в трех стихах назван царь. В *Urkunden* этот фрагмент именуется “датой”, что несколько преувеличивает его значимость; скорее речь здесь идет о назывании царя, к компетенции которого относится царское жертвоприношение.

Затем следует жертвенная формула в десяти стихах, разбитых на пять двустиший:

1) формула “царского жертвоприношения” с именем бога;
2) формула “заупокойной жертвы” с перечислением средств, необходимых для посмертного существования: в первом стихе — непременно “хлеб и пиво”; во втором — мясо;

3) прочие дары с обобщающей формулой в качестве второго стиха;

4) известная формула наделения пищей в составе которой перечисляются небо, земля и Нил: она четко распределена по двум стихам (с “отягощенной концовкой”), но имеет дополнение — *df3w* “яства”, — о котором мы поговорим отдельно;

5) привычная формула вдыхания северного ветра и питья воды, причем в данном случае место, из которого пьют, связано с “водой” [*bbt nt-mw*] (а не с “рекой”): вероятно, потому, что речь идет о жителе оазиса¹³³.

С точки зрения метрики, т.е. по числу ударных мест, эти десять стихов, объединенные в пять двустиший, распределены центрически: в середине (третье двустишие) находятся два стиха с двумя ударными местами в каждом, перед ними в первых двух двустишиях дважды повторяется комбинация 3+2, за ними, в последних двух двустишиях, дважды повторяется комбинация 2+3. Только выявив это членение, мы можем понять, почему в предпоследнем двустишии стандартная формула расширена словом *df3w* “яства” на одно ударное место: благодаря ему обеспечивается регулярная структура текста¹³⁴.

То же членение можно проследить и в сфере содержания: в середине текста находится значимая фраза “которыми-живет-бог”; перед ней — совершенно обязательная часть, содержащая формулы “царского жертвоприношения” и “заупокойной жертвы”, после нее — две пространные, изысканные в литературном отношении формулы. Наконец, на центрическое членение указывают также словесные соответствия и аллюзии: слово *dj* (в *htp-dj-njswt*) в первом стихе соответствует *dj.f* в третьем стихе; “дару”, который царь приносит богу, в качестве непосредственного следствия соответствует “дар” бога умершим. Слову *3bdw* в стихе 2 соответствует *3pdw* в стихе 4¹³⁵. Эти соответствия между первым и третьим, вторым и четвертым стихами связывают два первых двустишия в единое целое. Среднее двустишие в самом себе содержит важную по смыслу лексическую параллель: в начале его первого стиха стоит слово *sntr* “ладан”, буквально “обожеествляющий, превращающий-в-бога”; в конце второго — выражение *ḥnht-ntr-jm* “которыми-живет-бог”.

¹³² K. Sethe. *Dramatische Texte zu altägyptischen Mysterienspielen*. Leipzig, 1928. S. 209, Anm.1; H. Junker. *Gisa II*. S. 44, 80; *Gisa VIII*. S.170; A. H. Gardiner. *The installation of a vizier // RT 26*, 1904. P. 14; *Wb*. III, 187, 8–22.

¹³³ Хотелось бы знать, где была установлена эта стела: если в оазисе, то это предположение имело бы очень хорошее обоснование, однако более вероятно, что она стояла в Абидосе.

¹³⁴ Принадлежность слова *df3w* “яства” к этому двустишию со всей очевидностью вытекает из его содержания, поскольку плоды неба, земли и Нила являются “яствами”, в то время как “дыхание”, которым начинается последнее двустишие, не имеет к яствам никакого отношения. Характерно, что в *Urkunden* слово *df3w* размещено изолированно (IV, 51, 5), так как обычно оно не входит ни в одну из примыкающих к нему формул.

¹³⁵ Судя по греческой передаче Αβυδος и коптской **εβωτ**, **αβωτ**, слово *3bdw* звучало тогда примерно как *zabāta, а слово *3pdw*, судя по коптскому **ωβτ**, — как *zābta во множественном числе и *zābat или т.п. в единственном.

Другое название ладана — “аромат-бога” (*stj-ntr*), но слово *sntr*, в противоположность мнению Штейндорфа и Зете, этимологически не связано с *stj-ntr* “аромат-бога”¹³⁶. Эта игра со словом “бог” в центральном двустишии несомненно указывает на бытие умершего в качестве бога, “Осириса”, сущность или имя которого он принимает, но при этом не сливается в одно с господином загробного суда. Последние два двустишия вновь демонстрируют параллелизм между первыми и вторыми стихами, т.е. ведут себя аналогично двум первым двустишиям, но без словесных тождеств и созвучий: с одной стороны, параллельно друг другу стоят “небо” с “землей” (стих 7) и “северный ветер” (стих 9) (ветер ведь приходит на землю с неба, см., например, СТ II 399а, IV 50а), с другой — “Нил” (стих 8) и “питье-воды” (стих 10).

В следующем отрывке или “строфе” перечисляются адресаты жертвоприношения (пять стихов). В первом из этих пяти стихов небольшую метрическую проблему представляет выражение *n-k3-(?)-n-NN* “для-ка-(?)-NN”. Согласно правилам, это выражение, будучи косвенным генитивом, должно было бы содержать два колона (ударных места). Для таких стереотипных словосочетаний, постоянно встречающихся в определенной формуле и потому, несомненно, имеющих уже более или менее ослабленное смысловое значение¹³⁷, в принципе вполне вероятно превращение в слитную конструкцию, воспринимаемую как единое целое [Univerbierung], поэтому косвенный генитив в них может рассматриваться как прямой¹³⁸. Это, по-видимому, нередко имеет место в случае с *n-k3-n-*, поскольку мне известны примеры, которые предполагают такое превращение [Univerbierung]. Однако в случаях с подобными “нерегулярностями” всегда следует учитывать временные и местные особенности, даже если это кажется перестраховкой: было бы неразумно формулировать на их основе какое-либо строгое правило прежде, чем будут проведены обширные специальные исследования¹³⁹.

Титул и имя владельца стелы образуют трехчастную группу (2+1), аналогичную титулу и имени царя в начале текста. Возможно, этой трехчастной строфой заканчивается основной текст, поскольку мне известны примеры, в которых упоминание супруги, кажется, примыкает к имени супруга лишь в качестве приложения¹⁴⁰. Если здесь дело обстоит так же, получается следующая структура: 3 (царь) + 10 (жертвенные формулы) + 3 (адресат жертвоприношений); в этом случае упоминание супруги и донатора следует за ними как примечание¹⁴¹. Нельзя не обратить внимание и на то, что стихов, в которых речь идет о муже

---

¹³⁶ См. Griffith, Rylands III, 301, n. 2c [Catalogue of the Demotic papyri in the John Rylands Library, Manchester: With facsimiles and complete translation / by F. Ll. Griffith. Vol. 3: Key-list, translations, commentaries and indices. Manchester-London, 1909 — *Прим. перев.*]; Fecht, Wortakzent, § 256.

¹³⁷ О смысловом обесценивании формул см. H. Kees. Totenglauben und Jenseitsvorstellungen der alten Ägypter. Grundlagen und Entwicklung bis zum Ende des Mittleren Reiches. 2. Aufl. Berlin, 1956. S. 51.

¹³⁸ См. выше в списке под номером E, 3. В случаях с краткими или имеющими ослабленное звучание имен *regens* превращение в единое целое [Univerbierung] встречается относительно часто.

¹³⁹ Случаи, позволяющие принять определенное решение, редки; как правило, за *n-k3-n* следует стих с двумя ударными местами, что, разумеется, оставляет пространство для обеих интерпретаций. Делать выводы на основании регулярных изменений числа ударных мест методически позволительно только тогда, когда строгий порядок такого рода без сомнения присутствует в обширных титулатурах.

¹⁴⁰ Возможно, эти тексты были составлены (начерно?) до заключения брака, или должны были сгодиться и в том случае, если мужчина в конце жизни захотел бы упомянуть другую женщину, либо вообще воздержаться от каких-либо упоминаний. Это было бы признаком очень разумной предосторожности, свидетельствующей, однако, отнюдь не о глубоких чувствах.

¹⁴¹ Центрическое размещение жертвенных формул продолжалось бы в двух тождественно выстроенных крайних строфах из трех стихов, и, кроме того, бросался бы в глаза параллелизм между именем наместника оазиса *Jtj-nfr* (*Jat-náfa*) “отец-добрый” (или “отец-добр”) и царским титулом *ntr-nfr* (“бог-совершенный (добрый)”. Он был бы тем более явным, поскольку одно из производных от слова “отец”, *jtjw*, имеет значение “князь, правитель” (< “патрон”), а в *status constructus* между *jtjw* и *jtj* в эпоху XVIII династии, по-видимому, не было значительного различия, или они вообще совпадали. В том, что “властитель” или “князь” крупного удаленного оазиса должен был чувствовать себя царьком, разумеется, нет ничего невероятного. Кроме того, бросается в глаза, что наш *Jat-náfa* обозначается только как “властитель-оазиса”, тогда как позднее, при Тутмосе III,

и жене, ровно пять, т.е. по объему они равны половине жертвенных формул. Поэтому с некоторыми оговорками мы считаем этот отрывок отдельной строфой из пяти стихов, но не забываем, что, в принципе, существует и другая возможность метрической трактовки (предполагающая почти кощунственный параллелизм между личным именем и царским титулом). Не следует недооценивать то обстоятельство, что совмещение различных способов организации текста не было непривычным для египтян (см. выше 10 главу лейденского гимна Амону).

В заключение разговора о проблемах членения этого текста я хочу подчеркнуть, что “кощунство”, представленное здесь как возможное, не имеет “доказательной силы”; такое неверное истолкование должно быть во что бы то ни стало предотвращено. Мы продемонстрировали вовсе не “улику”, а лишь вероятное указание, намек, который — вместе с другими указаниями или, возможно, уликами — когда-нибудь может оказаться важен. Тот неоспоримый факт, что строфа с жертвенными формулами построена центрически, естественно побуждает включить в эту центрическую структуру тождественно оформленные группы стихов, предшествующие центральной части и следующие за ней (податель благ: царь; получатель: *Jtj-nfr*), в результате этого и возникает кощунственная связь. Мы считаем правильным и разумным собирать не только доказательства, но и спорные намеки; до тех пор, пока мы в состоянии их разделять и не фальсифицировать доказательства, выдавая за них намеки, это не порождает опасности, а в некоторых случаях, несомненно, приносит пользу.

Конечный элемент — это упоминание донатора в двух стихах. Здесь в последнем стихе мы вновь сталкиваемся с одной небольшой проблемой метрической оценки: кажется, бывает так, что краткий и очень часто используемый титул *zh* “писец” (*sáḥ), предшествующий имени собственному, не получает собственного ударного места и образует один колон с именем¹⁴², хотя синтаксически титул и имя представляют собой аппозиционную структуру. Тем не менее, существуют, очевидно, и обратные примеры, и мы указываем на эту проблему исключительно потому, что мы охотнее подчеркиваем, нежели опускаем подобные неопределенности.

В целом текст стелы насчитывает 20 стихов. Нередко бывает так, что состоящий из совершенно разных элементов, но по своему общему назначению очень однородный в целом текст демонстрирует такое круглое, замкнутое в самом себе число стихов.

3) Urk. IV, 74, 13–75, 5: Краткая биография *Rnj*, “наместника” Эль-Каба, начало Нового царства.

Из надписей на туринской статуе мы выбрали краткую биографию, чтобы сравнить ее с очень похожим текстом того же времени, происходящим из того же района.

$$9 \left\{ \begin{array}{l} 4 \left\{ \begin{array}{l} 2 \left\{ \begin{array}{l} 2 \text{ (} \underline{d}d.f \text{)} jw\text{-}\check{s}ms.n(j)\text{-}njswt \text{ } n\text{-}rk(j) \\ 3 \text{ } tp\check{z} rd\check{z} .n(j)\text{-}n.f \text{ } \underline{h}rd \text{ } t\check{z}j \end{array} \right. \\ 2 \left\{ \begin{array}{l} 2 \text{ } sh\check{z}j.j\text{-}\underline{h}pr(w) \text{ } m\text{-}\check{c}h \\ 3 \text{ } rh.n\text{-}wj \text{ } \underline{H}rw \text{ } m\text{-}pr.f \end{array} \right. \\ 2 \text{ } ph.n(j)\text{-}j\check{z}wj \text{ } m\text{-}nwt(j) \end{array} \right. \\ 4 \left\{ \begin{array}{l} 2 \left\{ \begin{array}{l} 2 \text{ } jb(j) \text{ } \underline{h}r\text{-}\underline{h}rp(j) \\ 2 \text{ } r\text{-}b\check{z}k \text{ } n\text{-}njswt \end{array} \right. \\ 2 \left\{ \begin{array}{l} 3 \text{ } n\text{-}\underline{h}zj(j) \text{ } \underline{h}r\text{-}jb \text{ } n\text{-}\underline{h}pr\text{-}zp(j) \\ 3 \text{ } rn(j)\text{-}nfr(w) \text{ } m\text{-}t\check{z} \text{ } r\text{-}\underline{d}r.f \end{array} \right. \end{array} \right.$$

оазисом, кажется, управляли из Тиниса на основе личного союза (Urk. IV, 963ff.: *hrj-tp*, 976ff.: *h\check{z}tj\text{-}\check{c}j*). Может быть, самоволие представителя египетского царя на этом отдаленном посту вышло за рамки допустимого?

¹⁴² Ср. со словом “господин” в различных современных европейских языках, утрачивающим ударение перед именем собственным.

9	4	2	2 (Говорит-он:-)Служил-я-царю времени-моего,
			3 руководил-я-для-него отроком и-мужем.
	4	2	2 Память-моя-пребывает во-дворце,
			3 знает(знал)-меня Хор в-доме-своём.
9	4	2	2 Достиг-я-старости в-городе-моем.
			2 Сердце-мое побуждало-меня
	4	2	2 трудиться для-царя.
			3 Не-жалок-я в-сердце, не-случалось-вины-моей,
4	2	3 имя-мое-дóбро в-стране-всей.	

Комментарий:

Для начала сделаем два замечания об определении ударных мест: если во втором стихе *hrd t3j* понимать не как перечисление “отрок и муж”, а как “отрок мужского пола” — Зете в своем переводе Urk. IV (1–313) на с. 39, прим. 3 принимает в расчет именно эту, для меня невероятную, возможность, — то в этом втором стихе будет только два ударных места. Я не знаю ни одной точной параллели к этому стиху, но в нем, по-видимому, говорится примерно о том же, о чем и в Urk. IV, 967, 16: *sšm-tmw r-jrrt.sn* “ведущий-людей к-долгу-их”¹⁴³.

Метрическую проблему иного рода представляет последний стих, заканчивающийся словосочетанием *r-dr.f* “весь, целый” и т.п., которое относится к числу немногих распространенных выражений с амбивалентным характером. Наречная конструкция “до предела его”, как показывает коптское **тнрц** с ослаблением *r > ε*, превратилась в прилагательное. Остается надеяться, что дальнейшие исследования позволят по крайней мере установить, с какого момента выражения, подобные *t3 r-dr.f*, стали зачастую образовывать лишь одно ударное место; пока что я не вижу возможности делать какие-либо четкие предположения. Последний стих, таким образом, мог состоять только из двух колонов.

Группы (пары) стихов в этом девятистишии равномерно упорядочены вокруг отдельного изолированного стиха и потому выстроены центрически. В среднем, отдельном стихе говорится о достижении старости в родном городе, т.е. об одной из центральных жизненных целей. Ему предшествуют два двустишия: в первом *Rnj* сообщает о своей службе царю, во втором — о расположении к нему царя, “Хора в доме-своём”, как о показателе успеха своей службы. За средним стихом следуют два других двустишия: в первом снова речь идет о царской службе — на этот раз по убеждению, от чистого “сердца”, во втором вновь говорится об успехе начинаний, причем опять с упоминанием “сердца”: *Rnj* вел себя так, что ни разу за ним не было замечено вины, и во всей стране его любили.

Ясно, что структура этого краткого текста совсем не проста. Во-первых, обе пары двустиший перед центральным стихом и после него расположены в соответствии с принципом дополнения. В первой паре описывается внешняя сторона жизни на царской службе (первое двустишие) и вытекающее из нее признание у царя (второе двустишие); во второй та же служба рассматривается изнутри, исходя из образа мыслей *Rnj*: он служит, следуя побуждению сердца (первое двустишие), и его безупречность и доброе отношение к нему по всей стране проистекают из существа его сердца (второе двустишие). Во-вторых, эти четыре двустишия следуют друг за другом попеременно, поскольку в каждом случае темой первого двустишия является царская служба, а во втором — успехи на этом поприще.

Если считать, что в последнем стихе три ударных места, то распределение ударных мест образует четко упорядоченную последовательность: в среднем стихе два ударных места, в первых двух двустишиях один стих имеет два, другой — три ударных места, т.е.

¹⁴³ В упоминании “отрока” можно уловить мотив наставления детей; см., к примеру, Н. Brunner. *Altägyptische Erziehung*. Wiesbaden, 1957. Quelle XIX, a,b,c,e,f; Quelle XXVI.

перед нами “смешанная” метрическая структура; первое из двух последних двустиший состоит из двух стихов с двумя ударными местами, а второе — из двух стихов с тремя ударными местами, т.е. здесь метрическая структура “чиста”.

Лексических параллелей и т.п. в тексте мало. Концовки обоих стихов второго двустишия включают два различных наименования “дворца” (*ḥ, pr*). В первом стихе предпоследнего и в первом стихе последнего двустишия повторяется слово *jb* “сердце”, являющееся, так сказать, “опорным словом” этих двух двустиший, подобно тому, как слово “дворец” (как масштаб и цель внешнего бытия [des äußeren Daseins]), по-видимому, следует считать чем-то вроде опорного слова первых двух двустиший. Следует иметь в виду, что в двух последних двустишиях, праведное побуждение (“сердце”) направляет к служению царю, но из этого служения вытекает признание “во всей стране”. Эта этика, разумеется, тесно связана с идеей служения, но она не ограничивается в своем действии и, особенно, в своей сути отношением к царю, ко “дворцу”. Именно поэтому мы вправе рассматривать “дворец” и “сердце” как опорные слова обеих внешних строф и сообщать им дополнительную интерпретацию (внешний и внутренний масштаб).

4) Urk. IV, 76, 14 – 77,7: краткая биография *Hrw-mjnj*, властителя Иераконполя, начало Нового Царства.

Hrw-mjnj был коллегой *Rnj*, с биографией которого мы имели дело в предыдущем тексте. Они жили примерно в одно время и даже почти рядом, поскольку Иераконполь и Эль-Каб, два древнейших верхнеегипетских города, расположены друг напротив друга: Иераконполь — на западном, Эль-Каб — на восточном берегу реки.

Поэтому столь соблазнительно сравнить эти две краткие биографии. Мы также взяли здесь только биографическую часть из большого текста, включающего помимо биографии жертвенную формулу.

$$8 \left\{ \begin{array}{l} 3 \left\{ \begin{array}{l} 3 \text{ (} dd.f \text{)} jjj.n.j-rnpwt-ṣṣwt m-ḥ3tj-ḥj n-Nḥn \\ 2 \left\{ \begin{array}{l} 2 \text{ } mz.n.j-jnw.s \text{ } n-nb-t3wj \\ 2 \text{ } ḥzj.kwj \text{ } n-gmj.tw-zp.j \end{array} \right. \\ 2 \left\{ \begin{array}{l} 2 \text{ } ph.n.j-j3wj \text{ } m-W3w3t \\ 2 \text{ } jw.j-m-mḥ-jb \text{ } n-nbw.j \end{array} \right. \\ 3 \left\{ \begin{array}{l} 2 \left\{ \begin{array}{l} 2 \text{ } ḥdd.j \text{ } hr-jnw.s \\ 2 \text{ } n-njswt \text{ } tnw-rnpt \end{array} \right. \\ 3 \text{ } prr.j-jm \text{ } m-m3ḥ-hrw \text{ } n-gmj.n.tw-d3t.j \end{array} \right. \end{array} \right.$$

$$8 \left\{ \begin{array}{l} 3 \left\{ \begin{array}{l} 3 \text{ (Говорит-он:)} \text{ Провел-я-много-лет властителем-Иераконполя;} \\ 2 \left\{ \begin{array}{l} 2 \text{ приносил-я-подати-его господину-Обеих-Земель,} \\ 2 \text{ удостоивался-я-похвалы, не-случалось-вины-моей.} \end{array} \right. \\ 2 \left\{ \begin{array}{l} 2 \text{ Достиг-я-старости в-Вавате,} \\ 2 \text{ располагая-доверием господина-моего.} \end{array} \right. \\ 3 \left\{ \begin{array}{l} 2 \left\{ \begin{array}{l} 2 \text{ То,-что-плавал-я-вниз-по-течению с-податями-его} \\ 2 \text{ к-царю, было-ежегодно,} \end{array} \right. \\ 3 \text{ так-что-я-выхожу(выходил)-(от)туда, будучи(был)-правогласным,} \\ \text{ нельзя(было)-найти-“недостачи”-моей.}^{144} \end{array} \right. \end{array} \right.$$

¹⁴⁴ Так у автора: Daß-ich-stromab-fuhr mit-seinen-Abgaben zum-König, war-alljährlich; daß-ich-hervorging (gehe)-(von-)dort, war(ist)-als-Gerechtfertiger, indem-nicht-gefunden-wurde(wird)-mein-“Rest”. (Прим. перев.)

Комментарий:

С точки зрения метрики здесь все очень просто. С филологической точки зрения следует отметить написание *nbw* “господин” в пятом стихе, которое я, как и Wb. II, 227, 5, понимаю как единственное число; и, разумеется, использование “геминированной” *sdm.f* (или “второго времени”) в последних трех стихах. С точки зрения содержания текст кажется простым, но при ближайшем рассмотрении это впечатление рассеивается.

Восемь стихов распределены по трем группам, средняя из которых является простым двустушием, тогда как внешние группы из трех стихов относятся к типу (1+2) и (2+1); они расставлены таким образом, что двустушия в каждой из трехчастных групп ориентированы внутрь [nach innen]. Формальная структура стихов, таким образом, является центрической, что абсолютно соответствует структуре содержания.

Первый стих сообщает важнейшие сведения о том положении, которое *Hrw-mjnj* занимал на протяжении многих лет; в этом стихе речь идет о жизни, которую он провел на земле. Затем в двух стихах следует описание его служения царю (доставка податей из его административной области) и его успех на этом поприще.

Следующая группа стихов — средняя, в ней сообщается о “достижении зрелости”, на что уже в первом стихе указывает выражение “провел-я-много-лет”. В то же время эта фраза используется для того, чтобы обозначить еще одну административную область, которая, очевидно, также находилась под управлением *Hrw-mjnj*, — *W3w3t*, самая северная часть Нубии. Его безупречная служба в этой должности, а, возможно, и обоснование того, что она была ему пожалована, описаны в обстоятельном придаточном, присоединенном к главному предложению.

В следующей, последней группе стихов речь вновь, как и в первой, идет о доставке податей — на этот раз страны *W3w3t* — царю; в третьем стихе сообщается об успешном завершении налоговых расчетов по этим владениям.

В этом, казалось бы, столь простом жизнеописании бросаются в глаза некоторые особенности языка:

- Во втором стихе действие “приношения” (податей Иераконполя) выражено формой прошедшего времени *sdm.n.f* “приносил-я”.
- В шестом стихе для того же действия, на этот раз относящегося к податям *W3w3t*, использована т.н. “геминированная *sdm.f*”: *hdd.j* (“что-плавал-я-вниз-по-течению”).
- В третьем стихе отрицательное высказывание “не-случалось-(вины-моей)” выражено формой *n-sdm.tw.f* (*n-gmj.tw*), обычно соответствующей форме *sdm.n.f*.
- В восьмом стихе для подобного высказывания употреблена *n-sdm.n.tw.f* (*n-gmj.n.tw-d3t.j*, “не находилось ‘недостачи’ моей”), часто соответствующая “геминированной *sdm.f*”.

В грамматике сэра Алана Гардинера § 418, 2 (параллели к примеру 6, с. 333) это *n-gmj.n.tw*- приводится в числе примеров выражения продолженного действия (“a continued activity”) в прошлом; в § 440, 2 наши три последних стиха приведены в качестве довольно редкого (“not common”) примера использования “геминированной *sdm.f*” (в терминологии Гардинера — “imperfective *sdm.f*”) для выражения обычного действия в прошлом (“past custom”) и переведены соответственно: “I used to sail down with its tribute to the king every year, and went forth thence vindicated, and no deficiency was found in (lit. of) me”¹⁴⁵. Подробно разбирать вопрос о правильном понимании “геминированной *sdm.f*” здесь не нужно и невозможно. Однако в интересующем нас конкретном случае возможна только интерпретация, предложенная Х. Я. Полоцким (Н. J. Polotsky. *Études de Syntaxe Copte*. § 28¹⁴⁶), в переводе которого фрагмент этого текста звучит так: “C'est avec son tribut que je

¹⁴⁵ “Я хаживал (точнее — “плаывал”) вниз по течению с данью его к царю каждый год и вышел оттуда правогласным, и никакого недостатка не было найдено во мне (букв. “моего”)”. (Прим. перев.)

¹⁴⁶ Н. J. Polotsky. *Études de syntaxe copte*. Le Caire, 1944. Impr. de l'IFAO, IX. (Publications de la Société d'Archéologie Copte [textes et documents ; 9]). Эта работа переиздана и доступна в сборнике: Н. J. Polotsky. *Collected Papers*. Jerusalem. The Hebrew University. 1971. P. 104–207. (Прим. перев.)

descendais le courant vers le roi¹⁴⁷; c'est comme justifié (ou en état de justification) que j'en sortais"¹⁴⁸. Причины тому таковы:

1. Смысловой оттенок продолженности или повторяемости действия должен на равных основаниях присутствовать как в сообщении о дани, выплачиваемой Иераконполем, властителем которого говорящий был на протяжении “многих лет”, так и в абсолютно параллельном сообщении о дани из *W3w3t*, которую говорящий “ежегодно” привозил в резиденцию на север.

2. В противоположность этому оттенку продолженности, который не годится на роль разграничительного критерия, присутствие логически подчеркнутого наречного дополнения, которое становится предикатом (только во втором случае, где речь идет о дани из *W3w3t*), является действенным различительным признаком: *mz.n.j-jnw.s* “приносил-я-подати-его”, в отличие от *hdd.j hr-jnw.s... tnw-rnpt* “то,-что-я-плавал-вниз-по-течению-с-его-податями... происходило-ежегодно”.

Варьирование средств выражения представляет собой излюбленный стилистический прием. За примерами далеко ходить не нужно — достаточно проследить как меняются обозначения “царя” в нашем тексте: “господин-обеих-земель”, “господин-мой”, “царь”. Это увлечение вариациями несомненно может распространяться и на строение предложений. Таким образом, смену глагольных форм вполне можно интерпретировать в этом ключе. Разумеется, сказанное не исключает возможности рассматривать данный прием и в другом аспекте. Если *sdm.n.f* (*mz.n.j*, “приносил-я”) во втором стихе однозначно относит действие к прошлому, то в случае с “геминированной *sdm.f*” (*hdd.j* “что-я-плавал-вниз-по-течению”) в шестом стихе дело обстоит иначе, поскольку это вневременная грамматическая форма. Она может соответствовать прошедшему времени (Gardiner. Eg. Gr. § 440, 2: “not common”; Lefebvre. Gr. de l'Eg. Cl. § 264, 1¹⁴⁹), но чаще — настоящему или будущему (Gardiner. Eg. Gr. § 440, 1, 3–5; Lefebvre. Gr. de l'Eg. Cl. § 264, 2–3). Особенно часто она встречается в договорах, предписаниях и тому подобных текстах, содержащих отсылки к будущему времени, а также в пожеланиях: например, касающихся существования умерших в загробном мире (Гардинер и Лефевр, см. выше). Если рассматривать последний стих нашего текста изолированно, возникает впечатление уверждения или пожелания-заклинания, относящегося не к земному, а к потустороннему отчету, к загробному суду. На это указывают, в первую очередь, следующие три термина: во-первых, слово *jm* “там, оттуда”, столь часто употребляющееся в связи с загробным миром; наиболее известные примеры имеются в т.н. “Разговоре разочарованного со своей душой”, и в “Поучении Мерикара”. Во-вторых, словосочетание *m3c hrw*, которое, хотя его употребление и носит более широкий характер, прежде всего является *terminus technicus*, обозначающим оправданного или оправдание на загробном суде. В-третьих, *d3t* “недостача, остаток” — слово, которое обозначает разницу в весе между двумя гириями. В контексте загробного суда это роковая разница между весом сердца умершего и Маат — “истиной, праведностью, справедливостью”¹⁵⁰. Общеупотребительное слово *prj* “выходить”, разумеется, не специфично для загробного суда, но, как известно, встречается как раз в связи с “выходением” правогласного.

¹⁴⁷ Мы предпочитаем видеть в *tnw-rnpt-(nbt?)* предикат, иначе предложение хромает: это, по-видимому, наиболее выделяемый ударением элемент и, к тому же, это единственное нововведение по сравнению со вторым стихом (дань *Nhn*). Но мы не считаем перевод этого места абсолютно надежным; для нашей интерпретации однако, не имеет значения, какое из наречных расширений должно считаться предикатом.

¹⁴⁸ “Именно с данью его плыл я вниз по течению к царю, и именно правогласным (или “в состоянии правогласности”) я оттуда вышел”. Принципиальное отличие от перевода, предложенного Гардинером, состоит в том, что функцией геминированной глагольной формы здесь считается не выражение “обычного действия в прошлом”, а смысловое выделение наречного дополнения (“с данью”, “в качестве правогласного”), т.е. превращение второстепенного члена предложения в логический предикат. (Прим. перев.)

¹⁴⁹ G. Lefebvre. Grammaire de l'égyptien classique. 2e édition. Le Caire, 1955 (Прим. перев.)

¹⁵⁰ J.J. Clère в BIFAO 30, 1930. P. 425–337 (“Un passage de la stèle du général Antef”), особенно на с. 427–444, после обсуждения выражения *hsbt-3w*, “подсчет разницы” (= загробный суд) подробно разбирает фразеологию загробного суда; на с. 436 он говорит о *d3t* “остатке” = “разнице веса”. Он приводит и наш фрагмент, но переводит его в перфекте, то есть, по-видимому, связывает с отчетом при царском дворе.

Итак, ситуация такова: благодаря использованию вневременной “геминированной *sdm.f*” *hdd.j* (с соответствующим оформлением предложения) и отрицательной формы *n-gmj.n.tw-*, которую следует переводить настоящим временем¹⁵¹, или, в зависимости от обстоятельств, будущим, составитель текста создал возможность связи последнего стиха не с прошлой земной доставкой податей, а с загробным судом. В пользу того, что имелось в виду (амфиболически) именно это, свидетельствует фраза, составленная, похоже, с помощью целого ряда слов, относящихся к сфере загробного суда.¹⁵² О том, подразумевалась ли такая связь на самом деле, можно судить лишь по членению текста, поскольку столь значительный намек на итоговую судьбу в загробном мире должен занимать достойное место в структуре всего текста.

Членение текста, безусловно, дает положительный ответ на этот вопрос. Текст построен центрически, в стихах его средней группы речь идет о достижении старости. Две группы из двух стихов, стоящие до и после средней группы, сообщают о доставке податей царю; таким образом, следовало бы ожидать, что между внешними стихами (первым и последним) тоже существует какая-то связь. Эта связь создается с помощью метрики, количеством ударных мест: лишь во внешних стихах обнаруживаются три ударных места — во всех прочих их только по два. По содержанию, однако, последний стих — в том случае, если речь в нем идет о расчете с царем, — кажется соответствующим третьему стиху. Это соответствие вполне оправданно, поскольку оно устанавливает параллель между двумя заключительными стихами трехчастных групп; однако оно — вне всякого сомнения, преднамеренно — не вполне удовлетворительно, поскольку внутреннее членение стихов обеих внешних трехчастных групп, а также их метрика (количество ударных мест) и содержание первого и шестого стихов не соответствуют этому параллелизму.

Именно эти последние наблюдения указывают на то, что первый и последний стих в этом тексте параллельны друг другу, и этот параллелизм устанавливается только в том случае, если интерпретировать последний стих как намек на загробный суд. Членение текста получается таким:

- первая группа стихов (1+2): 1 — жизнь (“многие годы” и положение при жизни (властитель Иераконполя); 2 — царская служба и успех (похвала).
- Средняя группа стихов (2): достижение старости и упоминание второй должности (*W3w3t*), успех в этой должности (доверие).
- Последняя группа стихов (2+1): 2 — царская служба во второй должности (успех упомянут уже в средней группе стихов!); 1 — жизнь в загробном мире (загробный суд).

Таким образом, в первом и последнем стихах говорится о земной и потусторонней жизни соответственно, а между этими стихами находится описание царской службы и царского признания, обретенного благодаря безупречному исполнению должностных обязанностей, что является, во-первых, содержанием земной жизни, а, во-вторых, предпосылкой для оправдания, основы загробной жизни, и потому по праву располагается в середине.

В первой группе стихов речь идет о деятельности в зрелом возрасте: “провел-я-много-лет...”, во-второй — о старости: “достиг-я-старости...”, в третьей — о загробной жизни: “так-что-я-выхожу-оттуда, будучи-правогласным, нельзя-найти-‘недостачи’-моей” (разницы при взвешивании сердца).

Не слишком явные лексические соответствия отчасти соотносятся с естественным членением, которое позволяет добавить в параллель к третьему и шестому стихам с их упоминаниями об успехе в связи с выплатой податей, внешние трехчастные группы стихов (с центральной вставкой); к этому следует добавить параллелизм второго, пятого и седьмого

¹⁵¹ Как известно, часто с оттенком невозможности, т.е. в нашем случае — “не-может-быть-найдена-недостача(разница)-моя”.

¹⁵² Ср., например, земной по смыслу третий стих *hzj.kwj n-gmj.tw-zp.j* “удостаивался-я-похвалы, не-случалось-вины-моей”, который уже из-за фразы “удостаивался-я-похвалы” не может быть связан с загробным судом и избегает терминов *prj*, *jm*, *m3^c-hrw*, *d3t*. В обычной интерпретации содержание третьего стиха абсолютно идентично содержанию последнего (восьмого) стиха.

стихов (вторые стихи в каждой из трех стихотворных групп), содержащих именованя царя (“господину-Обеих-Земель”, “господина-моего”, “к-царю”), и параллелизм третьего и восьмого стихов (последние стихи в трехчастных группах) с их фразами “не-случалось-вины-моей” и “нельзя-найти-“недостатка”-моего”. На скрытое членение, предполагающее амфиболическую интерпретацию последнего стиха и устанавливающее его связь с первым стихом, указывает сходство выражений *m-ḥ3tj-ʃj* “в качестве властителя” (положение при жизни, первый стих) и *m-m3ʕ-ḥrw* “в качестве правогласного” (положение в загробном мире, восьмой стих). Связкой между этими стихами выступает фраза *jw.j-m-mḥ-jb* (дословно “причем-я-был-тем,-кто-наполняет-сердце”), помещенная в средней группе стихов (стих 5). Мы переводим ее “располагая-доверием”: она, с одной стороны, относится к жизни на земле, с другой — является условием существования в загробном мире (тут следует вспомнить о значении слова *jb* “сердце” в приведенной выше биографии *Rnj*), т.е. занимает положение между жизнью и смертью так же, как и старость, тоже упоминающаяся в средней группе. Наконец, есть еще одно очень странное совпадение, которое тоже указывает на центрическое строение текста, но изолирует при этом последний стих: выражению *jtj.n.j-rnpwt* “провел-я-годы” в первом стихе соответствует *tnw-rnpt* “ежегодно” в седьмом — в этих выражениях совпадают все сильные корневые согласные. Во втором стихе, который следует за первым, содержится выражение *jnw.s* “подати-его”, и это выражение дословно повторяется в шестом стихе, который предшествует седьмому.

Теперь можно очень легко провести сопоставление с биографией *Rnj* из Эль-Каба. Общими чертами обеих биографий являются: упоминание старости в середине каждого из текстов и тем самым преобладание в них центрического членения; связь царской службы с праведным образом мыслей [*Gesinnung*] и тем самым — с успешным преодолением загробного суда; скрытое членение относительно краткого текста по двум различным содержательным направлениям [*Gesichtspunkten*].

(Окончание следует).

Послесловие переводчика:

В русском стихосложении имеется приблизительный аналог той формальной системы, которую Г. Фехт описывает применительно к египетским текстам. Речь идет об ударнике или акцентном стихе, который в “Поэтическом словаре” А. Квятковского определяется следующим образом: “...один из основных видов дисметрического свободного стиха (верлибра), пластическая структура которого опирается не на количество стоп, как в метрическом стихе, а на равное количество логически сильных ударных слов. В зависимости от этого определяются и стиховые ряды равноударников: двухударник, трехударник, четырехударник, пятиударник, шестиударник. Акцентный стих очень распространен в русской народной поэзии”. (С. 314).

Примером трехударника без рифм может служить “Сказка о рыбаке и рыбке”:

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года... (там же, с. 77)

Очевидно, что Г. Фехт описывает по сути тот же самый принцип организации текста, который отличается лишь тем, что его нельзя считать “равноударником”, поскольку количество ударных мест в стихотворных строках египетских текстов варьируется.

В связи с этим необходимо обратить внимание на одну существенную вещь, касающуюся используемой автором терминологии. Статья Г. Фехта называется “Формы египетской литературы: метрический и стилистический анализ”, и повсюду в ней речь идет о *метрике* египетских текстов. Однако, строго говоря, описываемую Г. Фехтом организацию текста нельзя считать метрической, поскольку понятие “метр” подразумевает периодическое повторение определенной группы ритмических долей, т.е. стоп, а стопа есть ни что иное, как определенная группа слогов с постоянным акцентом (т.е. долгим или ударным слогом). Именно из-за отсутствия таких групп русский акцентный стих определяется как “дисметрический”. В египетских текстах подобное периодическое повторение определенных групп слогов тоже отсутствует, что неоднократно подчеркивает сам автор, говоря о том, что количество безударных слогов в промежутках между ударными в египетских текстах было принципиально произвольным.

Стало быть, автора можно упрекнуть в том, что он употребляет понятие “метрика” в неоправданно расширенном значении. Однако это несколько не умаляет ценности его работы, потому что, как бы ни называть открытый им принцип организации египетских текстов, сам принцип от этого не меняется и не исчезает.

М. С.